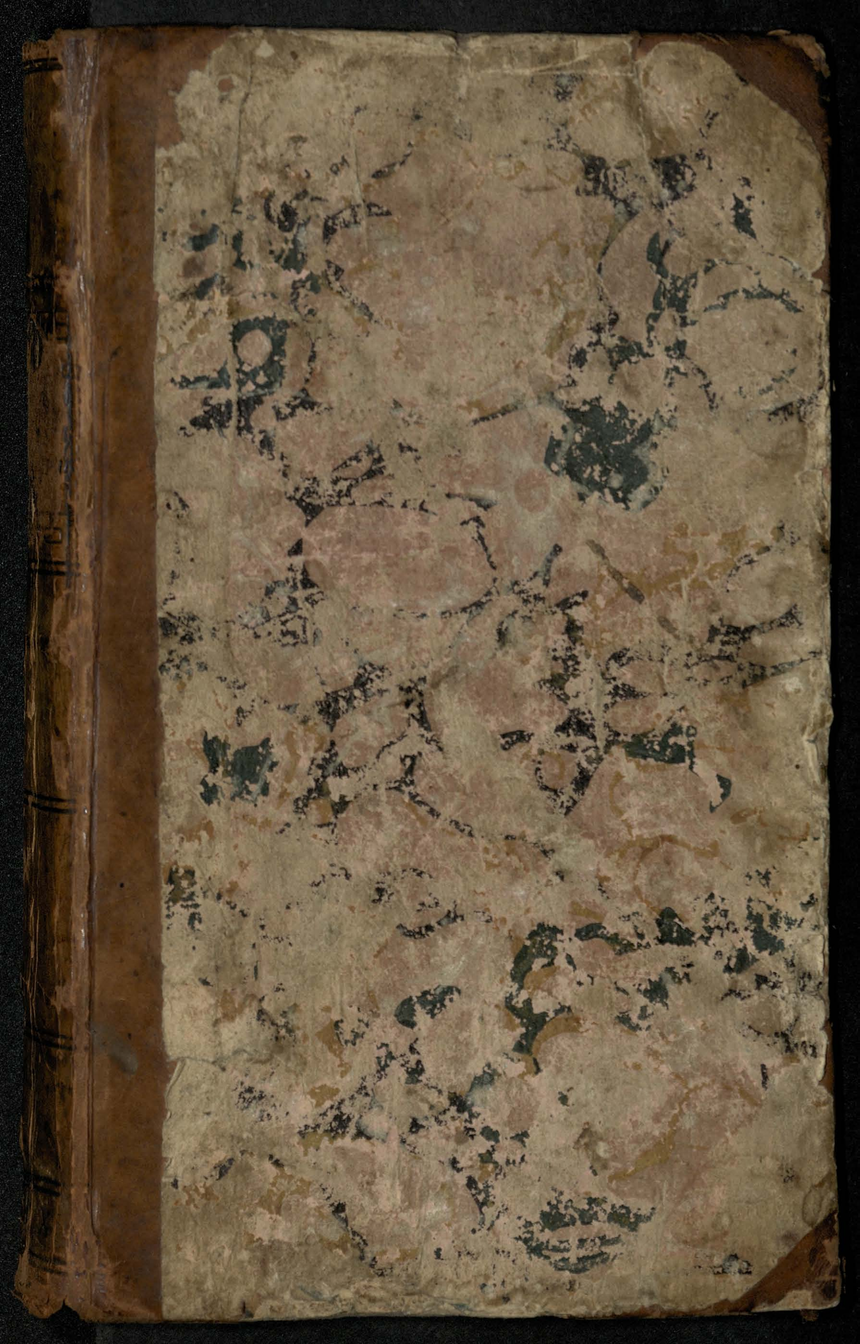
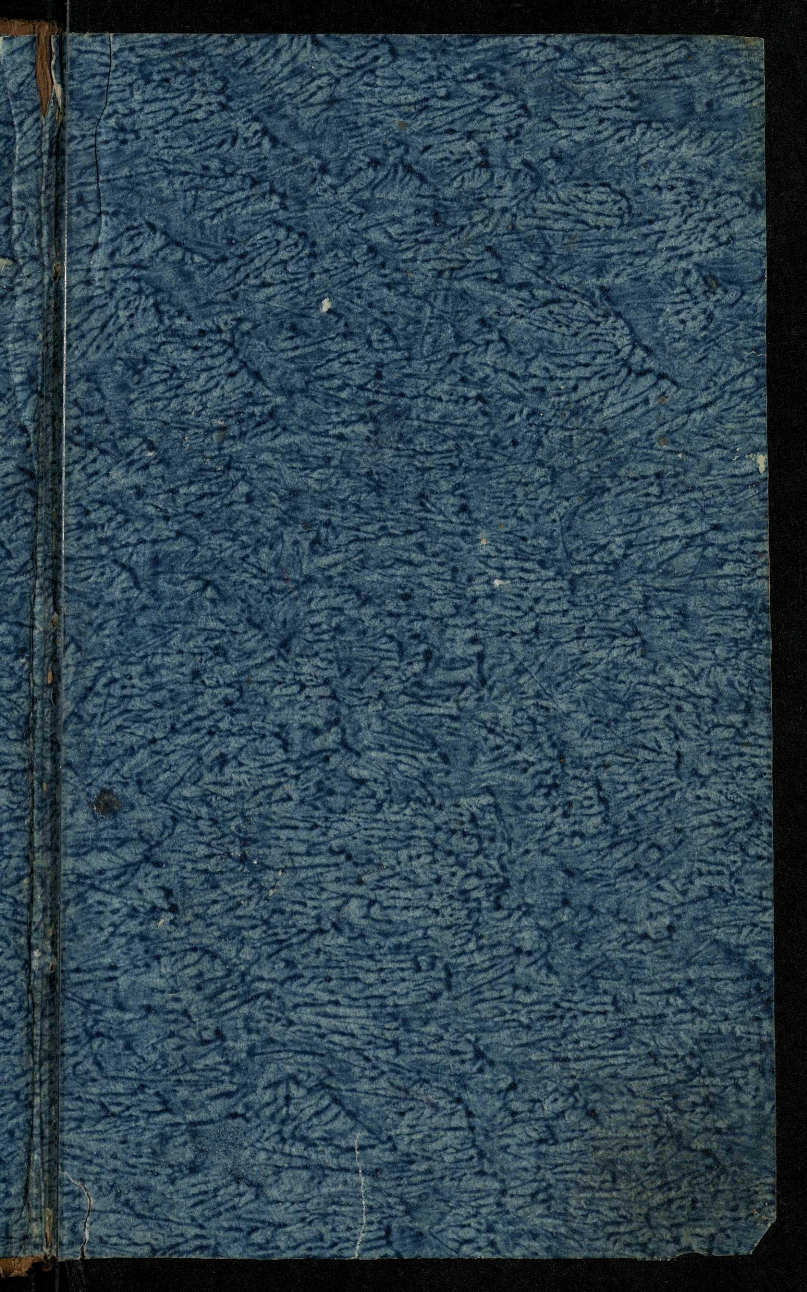

По Barbier: par S. A. D. B***
(Briel) Генн стр 161,

Y Ген. и Синьв. описано не точно.

ОПАСНОСТЬ ПЕРВАГО ПРОСТУПКА,

ИСТОРІЯ АНГЛИНСКАЯ,

сочиненная

І. Н. Д. В.

Авторомъ новаго малаго Помпея.

Experientià ſimus. *Cic.*

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи,

у В. Окорокова,

1789.

Съ Указнаго дозволенія.

ОПАСНОСТЬ ПЕРВАГО ПРОСТУПКА.

ПИСЬМО I.

Отъ Лорда Виллiама къ Лорду Генрiю.

Изъ Лондона.

Какую пустоту вселило твое отсутствiе, любезной Генрiй! Я считаю себя, что будто одинъ нахожусь посреди Лондона. Прiятнѣйшая привычка, видѣть тебя всякой день, во всю жизнь мою должна истребиться; но однакожъ съ разтерзанiемъ души моей. Я умѣлъ лишь жить съ тобою; я любилъ забавы наши для того только, что ты

со мною раздѣлялъ ихъ; все мнѣ становится несносно, скучно, и поразитъ меня, естьли ты не вселишь въ меня своей твердости. Вѣдаю, что не льзя еще мнѣ получить отъ тебя извѣстія, и надобно о томъ мнѣ быть совершенно увѣрену, чтобъ за то не обвинять тебя. Въ нетерпѣливости моей досадую я на тебя; ты именно всѣхъ въ томъ виновнѣе, оставя меня безъ руководителя, безъ друга; никогда у меня подобнаго тебѣ не будетъ. *Я* знаю, что ты многова стоишь, но можетъ статься, что я люблю тебя болѣе не за твои качества, но для того, что я любилъ тебя съ рабячества, и что сердце мое пріобыкло подъ именемъ друга нарицать Генрія; ты наполнилъ сіе сердце, которое съ тобою будучи, ничего не желало, и что

мнѣ все то казалось хорошимъ, что тебѣ нравилось.

Проклятая связь дѣлъ публичныхъ, въ которыя тщеславные родители употребя тебя отъ меня удалили! Я отдаю тебѣ справедливость; твоя Философія и дружба здѣсь тебя удерживали. По этому письма наполнятъ недостатокъ! пиши ко мнѣ по одному каждый день: я хочу занять тебя больше, нежели кабинеты цѣлой Европы. Естьли бы вмѣсто того, чтобъ привязать меня къ Принцу, дали мнѣ свободу избирать состояніе: я бы избралъ одно, которое оставя, поѣхалъ бы жить съ тобою, и отечество мое было бы тамъ, гдѣ ты находишься.

Я видѣлъ Леди Юлієту, твою премилую, остроумную двоюродную сестрицу; она со мною вмѣстѣ не хочетъ плакать; ты конеч-

нечно отгадаешь для чего: она не слезы свои, но тайну скрываетъ. Ты сомнѣваешься въ ея чувствованіяхъ, Генрій; твоя скромность не дозволяетъ тебѣ ту повѣренность, которую я къ тебѣ имѣю. Знай и будь увѣренъ, ты любимъ можетъ быть болѣе, нежели ты любишь: я не видалъ страсти тогда, когда ты мнѣ объ ней сказывалъ, а безъ страсти не льзя довольно любить. Право надобно, чтобъ ты былъ мнѣ большой другъ, чтобъ сберегалъ я тебя у Юліеты; она бы скоро мнѣ вскружила голову.

Я ни у кого не буду сего дня ужинать. Печатаю письмо; день окончался, я иду чтобъ быть тутъ, какъ Принцъ ляжетъ почивать, а по томъ и самъ съ грустію лягу около полуночи. Я ожидаю твоихъ писемъ

во весь день, во весь день, разумѣешь? во весь день.

ПИСЬМО 2.

Отъ Лорда Гентія къ Лорду Вилліаму.

Изъ Парижа.

Ты меня не предускорилъ, Вилліамъ; письма наши встрѣтились, и такъ сдѣлалось, какъ ты желалъ, чтобъ я написалъ къ тебѣ изъ первой Французской пристани. Я не буду повторять о грусти, произходящей отъ отсутствія; твой другъ ее ощущаетъ и будетъ всегда ее раздѣлять съ тобою. Ты только лишь чувствителенъ, Вилліамъ, но совсѣмъ не разсудителенъ, когда негодуешь на моихъ родственниковъ; не уже ли мы произведены на свѣтъ только другъ

 для

для друга и ничего не долженствуемъ отечеству? Нѣтъ, моя Философія не удержала бы меня жить праздно въ Лондонѣ; и когда бы и дружба мнѣ то совѣтовала, то я знаю, что она, какъ и любовь, имѣетъ свои слабости. Разлука наша конечно тягостная жертва, государству отъ должности подданнаго приносимая; но, мой другъ, когда оно повелѣваетъ, тогда стенаешь, проливаешь слезы, но отъѣзжаешь. Станемъ изполнять нашу должность, Вилліамъ; мы тѣмъ болѣе будемъ почитать другъ друга; будемъ славиться тѣмъ, что изъ насъ послѣдуетъ, и найдемъ себя тѣмъ достойнѣе того нѣжнаго дружества, которое на вѣки насъ связуетъ. Чтобъ я чаще къ тебѣ писалъ? такъ, мой другъ сердечной, очень часто. Разговаривая только съ тобою,

могу

могу я усладить горесть разлуки и оживлять себя. Ты увидишь, что я не оставилъ тебя, но сталъ отъ тебя изторгнутъ. Сказанное тобою мнѣ о Юліетѣ не облегчаетъ моего отдаленія, и ты хочешь наказать меня, что я сталъ послушенъ моимъ родственникамъ и своей должности. Не повѣрю я тебѣ; нѣтъ, она ни капли слезъ не пролила; нѣтъ, не скрываетъ она отъ тебя тайны, о которой утѣшительно бы было для меня провѣдать. Прекрасна, преизполнена разума, разсудка, очень богата, знатной природы; она на всѣ требованія имѣетъ право. Отецъ ея, ты знаешь, надутой пузырь тщеславія, и очень упрямъ. Герцогъ д' Арби одинъ лишь хорошо принятъ, и я очень зналъ, что не допуститъ меня до настоящаго исканія. Любезная Юліета

ета принимала меня милостиво; но безъ предпочтенія; и чтобъ со мною обходились подобно какъ съ Герцогомъ, я бы не имѣлъ глупости почесть себя любимымъ. Виллізмъ! я былъ только лишь непротивенъ; не заставляй сердца моего стенать отъ любви; и когда я хочу изцѣлиться, не разтравляй моей раны. Безумно питать чувствіе, которое произраститъ страсть, составляющую мое нещастіе; потому что отецъ Юліетинъ никогда не захочетъ меня имѣть своимъ зятемъ, и что то справедливо, что Герцогъ въ ней ищетъ. Говори мнѣ только о себѣ, мой другъ; я тобою однимъ хочу занять все мое сердце и мысли: обнимаю тебя!

ПИСЬ-

ПИСЬМО 3.

Отъ Лорда Вилліама къ Лорду Генрію.

Изъ Лондона.

Я сдерживаю свое слово, Генрій; ты увидишь всегда глубину души моей, наисокровеннѣйшія мои мысли, да и такія, отъ которыхъ я стыдиться буду. Я тебя избираю моимъ путеводителемъ; мнѣ нуженъ твой разсудокъ, а тебѣ потребна нѣсколько моя веселость: вотъ обмѣнъ, которой мы другъ другу предложили. Я не боюсь въ подлинномъ видѣ моемъ предстать предъ моего друга; думаю, что мнѣ не возможно будетъ сокрыться: онъ слишкомъ много меня знаетъ, чтобъ не быть изобличену въ дѣлѣ, естьли я буду таиться.

Ну!

Ну! эта горячая страсть, эта нѣжная любовь, сіе неизъясненное щастіе, которое должно было непрерывно продолжаться, какъ ты предсказывалъ, изчезли; такъ и быть! Но могъ ли ты о томъ подумать, чтобъ изтребились они въ первые три мѣсяца? Я вправду любилъ, и самъ почиталъ быть любимымъ, потому что мнѣ сказывали о томъ, потому что клялись мнѣ въ такія минуты, въ которыя легче вѣрить, нежели разсуждать; я видалъ у нее всякой день новыя лицы, но ни одно, по правдѣ сказать, не могло быть для меня подозрительно. Я наслаждался полнымъ щастіемъ и довѣренностію, и никогда не ощущалъ ниже слабаго дѣйствія ревности; примѣчалъ однако же нѣкоторые признаки отличенія къ Артуру предъ тѣми, которые подобно мнѣ томи-

ми-

мились при моей красавицѣ; но я долженъ былъ почитать себя предпочитаему, и ни одной минуты въ томъ не имѣть сомнѣнія. Сперва нашли къ обвиненію меня то, что подтверждали прежде наровнѣ съ жизнію, чтобъ былъ я при людяхъ осторожен; воздержность моя названа холодностію. Я увѣрялъ, что обожаю; надлежало меня простить. Вниманія мои обратились въ небольшія старанія, можетъ статься съ излишкомъ употребляемыя; но противное тому почти совсѣмъ меня сгубило: стали на меня жаловаться, будто я очерняю славу женщины, которой честь дороже жизни. Она оплакивала безуміе любви своей; отдала мнѣ мои письма, портретъ, и потребовала отъ меня своихъ писемъ цидулкою, которая также должна

была

была къ ней быть возвращена. Я побѣжалъ къ ея дверямъ; они были для меня затворены. Отчаянъ, возвращаюсь домой; перечитываю злощастную цидулку, медлю; напослѣдокъ повинуюсь, собираю все то, что почитаю ея письмомъ; дѣлаю пакетъ, въ которой вкладываю ея портретъ, поцѣловавъ его прежде тысячу разъ, укоряя его въ неправосудіи и легконравіи его подлинника; заклинаю его сказать ей, что я очень нещастливъ, очень невиненъ; что должна она меня простить, со мною увидѣться, и что я всѣ движенія мои и слова учреждать буду по ея повелѣніямъ. Въ изступленіи моемъ я въ истинную думалъ, что портретъ, на которой долгое время я устремительно смотрѣлъ, оживотворясь давалъ мнѣ знакъ, что онъ пріемлетъ на себя все пересказать.

Я съ возхищеніемъ цѣловалъ его, и тихонько завернувъ, просилъ возвратиться ко мнѣ какъ можно поскорѣе.

Запертая дверь, приказаніе возвратить письма, все сіе препятствовало желанію моему ее увидѣть, чтобъ вручить въ собственныя руки вещи столь важныя. Надежда, смягчить мою обладательницу, содержала меня въ наитруднѣйшей безъизвѣстности. Я хотѣлъ знать, какія при таковыхъ случаяхъ исполняются обыкновенія; но въ отдаленіи отъ тебя, кому могъ я ввѣрить мое невѣденіе? Повиноваться письму, послать своего скорохода, который искусенъ былъ въ доставленіи обоюдно писемъ, показалось мнѣ вещію весьма легкою и изъявляющею любовь мою. Онъ отдаетъ письмо во время туалета, вы-

высылаютЪ вонЪ всѢхЪ женщинЪ изЪ горницы, и вЪ досадѢ, которую изъяснилЪ онЪ мнѢ бранью, но которая состояла однакожь вЪ отличныхЪ выраженiяхЪ, объявилЪ онЪ мнѢ, что его прогнали, приказавЪ сказать его господину никогда кЪ ней не являться. ВотЪ, мой другЪ, вЪ какомЪ я положенiи! Ты обо мнѢ потужишь: ты это сдѢлать долженЪ; я любилЪ отЪ всего моего сердца вЪ первой разЪ вЪ жизни, сЪ удостовѢренiемЪ, основаннымЪ на непорочности моихЪ чувствованiй. Ея глаза, ея прекрасные глаза, изЪ которыхЪ почерпалЪ я любовь, могли возгорѢться отЪ гнѢва произнося мое имя. Не вѢдаю я того, виновенЪ ли я; но знаю только то, что я нещастливЪ; всѢ черты ея изображены на душѢ моей, и я нахожу ее прелестнѢе, нежели являлЪ мнѢ портретЪ ея; во

обра-

ображенie мое представляетъ ее, а любовь украшаетъ для муки на всѣ дни жизни моей. Суди, преизполненъ ли я сего милаго изображенiя. Въ письмѣ, заключающемся въ четырехъ страницахъ, еще не молвилъ я ни одного слова о тебѣ, о тебѣ, вѣрномъ другѣ моемъ. Я прошолъ сего утра двадцать разъ мимо ея двора. Ввечеру тщетно ѣздилъ во всѣ тѣ домы, гдѣ мы съ нею съѣзжались. Я возвращаюсь домой опечаленъ и безъ утѣшенiя; сожалѣй обо мнѣ и люби меня, какъ я тебя люблю.

ПИСЬМО 4.

Отъ Генрія къ Вилліаму.

Изъ Парижа.

Правда, мой любезный Вилліамъ, что любовь твоя меньше продолжалась, нежели я предвидѣлъ: я сожалѣю о томъ, что она не продолжилась долѣе для того, чтобъ тебя охладить. Признайся, что ты сѣтуешъ о красотѣ ея, но ни мало о ея сердцѣ; ибо должно оно ощутительно тебѣ казаться ложнымъ и неимѣющимъ ни малѣйшія чувствительности. Естьли ты вопросишь самъ себя, для чего мы сами себя любимъ, и любимъ себя много? По тому, что глубина сердца нашего совершенно намъ извѣстна, и что мы увѣрены въ томъ, что оно хорошо, нѣжно, справедливо. Естьли ты можешь самъ себѣ сказать о ея сердцѣ

то,

то, что скажешь объ моемъ, то я согласенъ, чтобъ ты тужилъ объ ней и почиталъ себя нещастнымъ. Но естьли усматриваешь только легкомысліе, единоминутную къ тебѣ склонность: то сожалѣнія твои должныль продолжиться долѣе ея вѣтренности? Я очень худо принялся тебя утѣшать; любовь не разсуждаетъ; она пользуется, или страдаетъ, и подобно ребенку надѣется, поколику желаетъ. Пренасыщеніе въ короткое время произвело бы надъ другомъ моимъ то, до чего не могъ достигнуть долго разсудокъ. Я ожидаю изцѣленія твоего отъ самой той же любви, отъ сего божка, отъ котораго почитаешь ты себя толико достойнымъ соболѣзнованія; онъ не станетъ изправлять такова, какъ ты, воина; ему надобно побѣждать упорныхъ, гордыхъ кра-

 са-

савицѣ атаковать, и, можетъ статься, вѣроломныхъ наказывать; онъ въ руки измѣненнаго любовника предаетъ свои оружія. Вотъ сіе есть надежда, либо я обманываюсь; Вилліамъ за сіе ухватится, естьли не можетъ покориться разсудку. Не страшись сего разсудка; запрещай мнѣ, естьли хочешь въ подобномъ случаѣ за него приниматься, и повели, чтобъ я сожалѣлъ о тебѣ; я о тебѣ сожалѣть буду. Говори мнѣ много о твоихъ сѣтованіяхъ, о болѣзняхъ твоихъ, сколь долго продолжится твое страданіе; я ихъ раздѣлю съ тобою, другъ мой. Не стыдись любить тогда, когда уже ты болѣе любить не долженъ; тѣмъ драгоцѣннѣе будешь ты для твоего Генрія; ничего не скрывай отъ него. Говоря много о твоей потерѣ, утѣшеніе

за-

заступитъ мѣсто въ пустотѣ произшедшей отъ того, что ты тысячу разъ повторять станешь.

Это значитъ побѣждать нещастіе, чтобъ находить въ первой своей любовницѣ вѣтреную женщину, да и въ Лондонѣ; но здѣсь, мой другъ, мнѣ онѣ всѣ таковыми кажутся. Покойной Селадонъ не прожилъ бы до двадцати лѣтъ въ Парижѣ; нѣтъ всеконечно. Француженки такъ приманчивы, что не льзя ихъ оставить и послѣ доказанной невѣрности; онѣ имѣютъ столь прелестную несправедливость, что заставляютъ во всемъ себя просить. Чувствуешь, что уже ихъ болѣе не обожаешь, но еще ихъ любишь. Естьли сохраняешь ты еще нѣчто изъ національнаго твоего свойства, и попустишься стенать: онѣ смѣючись

 тебя

тебя утѣшаютъ, и окончеваютъ тѣмъ, что научатъ и тебя вмѣстѣ съ ними смѣяться о томъ, что тебя обидѣли. Надобно притомъ обѣщать миръ твердой и веселой, и что это никогда не будетъ тебѣ оскорбительно. Вотъ, Вилліамъ, что называется дѣло въ порядкѣ: а ты не таковъ; нечувствительно ты до того дойдешъ, и другъ твой о томъ возрадуется.

ПИСЬМО 5.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Не брани меня, Генрій, естьли я нѣсколько промедлилъ отвѣчать тебѣ. Я хотѣлъ утвердительно узнать то, что было прежде лишь подозрѣніе. Артуру я рѣшительно пожертвованъ; я хотѣлъ наказать его. Онъ

Онъ былъ предметомъ моего мщенія, какъ твое письмо, составленное изъ благоразумія и шалости, но которое однако же довольно основательно, уведомило меня, что я оживляю покойнаго Селадона посреди Англіи, и что хорошій поединокъ не защититъ меня отъ посмеянія; что не стоитъ труда убить беднаго Артура, которой не ведалъ, что отнимаетъ у меня любовницу, и которому бы я о томъ далъ знать, что я долженъ почитать его довольно наказаннымъ, есть ли онъ любитъ такъ, какъ я, и будетъ иметь только недель на шесть, или месяца на два. Я наслаждался утешеніемъ представляя его въ скоромъ времени томящимся, обиженнымъ, откинутымъ и ищущимъ своего соперника. Нынѣ, другъ мой, Артуръ уже более меня

не занимаетъ; надъ вѣроломною хочу я получить отмщеніе; не препятствуй мнѣ. Вотъ что она обнародываетъ: „Я любила Вилліама! мнѣ много оказываютъ милости; я его принимала какъ и прочихъ молодыхъ людей; но онъ мнѣ наскучилъ: конечно онъ это примѣтилъ, и уже ко мнѣ болѣе нейдетъ; это одно удовольствіе, которое во всю жизнь свою онъ мнѣ оказалъ. Я очень увѣрена, что естьли когда нибудь разскажетъ онъ о всѣхъ своихъ любовницахъ, не сдѣлаетъ мнѣ чести включить меня въ число оныхъ. Артуръ, слыша это превозносился до небесъ, и двѣ маленькія женщины, которыхъ ты знаешь, хохотали во все горло. Одна изъ нихъ, которая на меня сердита, не преминула пересказать; и истина, перекатываясь изъ рукъ въ руки, дошла до мо-

его

его кабинета. Я отворилъ мой письменной столъ; перо мое уже обмакнуто въ хорошія чернилы, и я хочу писать къ безстыдной. Начертываю грубую рѣчь; но чортъ возми! не могу придумать другую. Я встаю, хожу, ищу; недоволенъ тѣмъ, что выдумываю. Наконецъ кажется, что могу опять приняться за письмо и писать; но не такъ вышло. Я раздираю листъ и иду за другимъ въ ящикъ: чудо! нахожу письмо забытое моего предмета. О! нѣтъ нужды писать. Это не двумысленно; оно было писано въ первые восемь дней; оно пламенно. Скорѣе давайте одѣваться! я побѣгу показать ей письмо; обнародовать его. Наполненъ щастливаго случая, занятъ мщеніемъ, любовь моя изчезла! О! естьли бы Генрій тутъ случился, какъ бы онъ меня обнялъ! Какъ

бы онъ похвалилъ меня, что изгналъ я измѣнницу изъ моего сердца! но похвалилъ ли бы онъ мое мщеніе? Мнѣ казалось, что я слышу твой голосъ. Вилліамъ! ты забываешься: погубить любовницу, которая была тебѣ мила! Ты сдѣлаешься явнымъ злодѣемъ; что подумаютъ о тебѣ всѣ женщины? Онѣ тебя станутъ бояться, станутъ отвергать тебя, и ты будешь осужденъ въ молодости на посрамленіе, которое сойдетъ съ тобою во гробъ. Но я сильно обиженъ, и хочу изпровергнуть дерзновенныя рѣчи, которыя дуракомъ меня представляютъ. Ну! докажи, что ты не таковъ въ самомъ дѣлѣ. Я будто тебя слыщалъ. Я прихожу къ ней въ одно утро, нахожу ее одну: она очень удивилась, и хочетъ осердиться. Милостивая государыня!

ня! я имѣю сказать вамъ только одно слово, и по томъ отъ васъ уйду. Надобно вамъ знать, что когда я имѣю у себя любовницу и возвращаю ея письма, то удерживаю у себя одно, которое всѣхъ нѣжнѣе: вотъ оно; я иду вонъ не ожидая отвѣта. Сего дня разсказываетъ она, что она лучше прояснилась, и что я никогда не говорилъ того, что ей про меня насказано; что она всегда съ радостію меня у себя принимать станетъ, и естьли я къ ней нейду, то конечно занятъ я какою нибудь любовью; вотъ что называется говорить! Я изцѣленъ, и довольно отомщенъ, и почти желаю у тебя спросить, доволенъ ли ты?

Принцъ завтра отъѣзжаетъ за городъ, и меня съ собою взять назначилъ. Съ нимъ очень весело; нѣсколько дней разсѣянія полезны

лезны для любви утухающей. Я тебя обнимаю, любезный Генрій, отъ всего моего сердца.

ПИСЬМО 6.

Отъ Генрія къ Билліаму.

Изъ Парижа.

Оправдаетъ тебя то, любезный Билліамъ, что не удержалъ ты ни одного письма, когда всѣхъ отъ тебя потребовали; но я боюсь, что ты не употребишь предосторожности, которою ты съ такимъ краснорѣчіемъ похваляешься. Сердце твое не плѣнится безъ выбора, и ты уже не будешь болѣе ощущать возторга душевнаго отъ довѣренности происходящаго. Щастіе уже не будетъ столь совершенно, сколь кратко. Опытность, дѣлая насъ основательными, лишаетъ чувствованія

и

и наслажденія. Я не думаю, чтобЪ АртурЪ имѣлЪ когда нибудь столько же писемЪ, какЪ ты. Она, вспоминая урокЪ отЪ тебя ей преподанной, станетЪ сходиться съ своими любовниками такЪ, какЪ бы они должны будутЪ сдѣлаться ея непріятелями. МожетЪ статься, что уже ты слишкомЪ отомщенЪ; ибо безЪ сомнѣнія отнялЪ у ней спокойствіе вЪ пронырствѣ.

Ну, мой другЪ, вЪ противность опыта, я надѣюсь на Юліету, такЪ какЪ ты заключаешь. Одно слово, которое она мнѣ сказала прощаяся со мною, было то: „братецЪ! позволишь ли писать кЪ себѣ для полученія новыхЪ уборовЪ изЪ Франціи? Мнѣ пріятно будетЪ судить по нихЪ о вашемЪ вкусѣ.„ Она конечно не имѣетЪ ничего мнѣ препоручить, а слѣдственно и говорить

рить со мною не о чемъ. Когда ты ее увидишь, то заведи съ нею споръ о ея шляпкахъ, цвѣтахъ; скажи ей, что видѣлъ у такой-то Леди прекрасные изъ Франціи къ ней присланные. По томъ замолчи; ни слова!... Естьли хочешь меня вправду занять, то скажи мнѣ о Герцогѣ, каково по твоему примѣчанію его принимаютъ? Я чувствую, что во всю мою жизнь любить не буду, естьли лишусь надежды. Одна Юліета могла прельстить меня; красота, пріятности и разумъ совокупно только въ ней находятся и возходятъ до того совершенства, которое удивляетъ и приводитъ въ очарованіе. Двацать разъ покушался я сказать ей, что чувствую; но удержанъ бывалъ страхомъ не быть выслушану, или стыдомъ быть пожертвовану Герцогу; скрывалъ тайну мою вмѣ-

вмѣстѣ съ любовію. Ей удобно было примѣчать мое смятеніе, естьлибъ она мною занималась. Принужденіе мнѣ довольно изъявляло то, чего я не смѣлъ объявить. Она мнѣ оставляла только сомнѣнія, и такая неизвѣстность составляетъ мученіе моей жизни.

Не отважнвайся ни на что. Услуживая мнѣ, слушай, смотри, угадывай, но чтобъ она не могла догадаться, что я тебя научилъ. Прощай, Вилліамъ! ты конечно занималъ въ семъ мѣстѣ только второе мѣсто; для друга оно гораздо выгодно.

ПИСЬМО 7.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

По возвращеніи въ городъ первое мое посѣщеніе было къ Миледи

лади Бланфортъ. Я имѣлъ вручить ей письмецо отъ Принцессы, которая препоручила мнѣ сказать тысячу привѣтствій ея дочери, которую любитъ она съ такою дружбою, съ какою ты любовью. Ты видишь, что щастіе мое исполняетъ сію должность. Преисполненъ твоего письма, я былъ надеженъ, что не учиню ошибки и все совершенно разсмотрю. Естьли ты выслушаешь все такъ, какъ я выслушалъ, то повторяю я слова, тѣ самыя слова, которыя произнесены были въ касающемся до тебя. Госпожа Бланфортъ мнѣ сказала: вамъ должно быть очень скучно, разлучась съ вашимъ любезнымъ Генріемъ. О! конечно, подхватила Юліета; но Генрій столько же, какъ и онъ, претерпѣваетъ; они могутъ въ томъ поспорить ... думаю, что я Милади никогда въ этомъ Генрію

не

не уступаю. — Естьли онъ позволяетъ вамъ ему вѣрить, что это не такъ. — Такъ, Милади. — О! нѣтъ; вы легкомысленнѣе его, болѣе его разсѣяны. — Да, дочь моя, сказала госпожа Бланфортъ, Генри чувствительнѣе Вилліама.,, Вошли гости, но Герцога тутъ не было. Я опять началъ говорить съ твоею сестрицею: ,,Такъ вы думаете Милади, что Генри чувствительнѣе меня? — Я думаю такъ, и объ закладъ бьюсь, что онъ на одно ваше письмо отвѣчаетъ двумя или тремя своими. Должно этому быть такъ; потому что онъ не имѣетъ времени отписать къ моей матушкѣ; она, живучи долго въ Парижѣ, до крайности любитъ получать оттуда извѣстія — Но можетъ статься, она не дала ему позволенія. — Позволенія писать къ роднѣ! — Хотитель,

 чтобъ

чтобъ я его пожурилъ, Милади?. . . Нѣтъ; потому что онъ можетъ дурно изправить ему отъ насъ порученное. Матушка его предупредила, и просила прислать нѣкоторыя для меня и для нее покупки; онъ чрезвычайно будетъ радъ что нибудь выбрать для своей прекрасной сестрицы, но побоится не хорошо изправить до тѣхъ поръ, естьли вы его не ободрите. — Я увѣрена, что ему не въ чемъ будетъ попенять, и что все будетъ совершенно. — Генрій имѣетъ одну погрѣшность, Милади, что очень застѣнчивъ. . . а вы совсѣмъ незастѣнчивы; однако же обѣихъ васъ можно простить. . . „Входитъ Герцогъ. Я хочу уйти; Юліета говоритъ мнѣ: останься со мною. Вся ея веселость изчезла, и нѣкоторая нетерпѣливость въ отвѣтахъ необходимыхъ на вопросы Герцого-

вы

вы докажетъ тебѣ, какъ онъ принятъ. Ему должно было подойти къ матери. Я возобновилъ нашу любимую материю. Веселость снова начала сіять въ прекрасныхъ глазахъ Юліеты, и имя твое опять помѣщаться въ устахъ ея. Твой другъ принятъ былъ вмѣсто любовника. Герцогъ тѣмъ обманулся, и удостоилъ меня движеніемъ ревнивости, о которой позволь мнѣ себя увѣдомить. Любимъ ли ты, сумнѣвайся еще, естьли можешь. Меня заставили обѣщать чаще быть, и ты понимаешь, на что я надобенъ: ты обо всемъ узнаешь. Я повторяю слова, цѣлыя рѣчи, возвратясь домой, и чтобъ не забыть, запираюсь и пишу; и такъ не мои строки читаешь, но Юліеты Бланфортъ. Теперь удѣли себя для твоего друга.

Наша охота и ѣзда за городъ продолжилась три дни; она даже и для меня была пріятна: ибо Принцъ старался веселиться. Любимцы его выдавали меня, и принимали за изобрѣтателя всякихъ шутокъ, которымъ должно много смѣяться. Это было, какъ ты знаешь, первое сборище веселости съ тѣхъ поръ, какъ недавно получилъ я мѣсто у Двора. Нѣкоторые изъ господъ сказали Принцу, что голова моя набита дружбою, любовію, а паче скромностію въ разсужденіи женщинъ, и увѣдомили его, что я недавно уволенъ отъ своей любовницы; что я объ ней день и ночь плачу, и что не намѣренъ никогда утѣшиться. Я ѣздилъ за охотою столько же весело, какъ и другой, и сѣлъ за столъ какъ гость, умирающій отъ голода и жажды. — Вы ни-

ничего не ѣдите, какъ нещастливой любовникъ. — Нѣтъ, Ваша Свѣтлость, но какъ щастливый охотникъ. — Ваша любовница пришла бы въ великую досаду. — Она бы мнѣ простила, что пользуюсь честію и щастіемъ раздѣлять забавы съ Вашею Свѣтлостію. — О! онѣ не стоютъ тѣхъ, въ которыхъ она вамъ отказываетъ. Признайтесь, что она дала вамъ апшитъ.... В. Е. засмѣялись. — Вы смѣетесь, господа; конечно вамъ никогда не оказано чести быть изгнаннымъ? — Никто изъ насъ не обойдется безъ этаго нещастія изключая Его Свѣтлости, съ которымъ поосторожнѣе поступятъ. — Такъ; любовница моя меня отбросила, да еще и съ отпускнымъ письмомъ, которое лишаетъ меня всего, кромѣ честности. — О! письмо должно быть забавно! ... Артуръ тутъ

же былъ, и говорилъ близко его находящимся: у него его нѣтъ. Принцъ ко мнѣ приступаетъ, требуетъ, прочтемъ письмо. — Я никогда не прощу себя, естьли доставлю симъ господамъ такое удовольствіе; но естьли Его Свѣтлость назавтрѣе не будетъ говорить о письмѣ, онъ его прочесть изволитъ, а они пускай этому повѣрятъ. Артуръ очень загрустился; товарищи его и мои начали чувствовать, что я не безъ разщета, да и Принцъ оказалъ мнѣ честь судить обо мнѣ по самомъ себѣ. Назавтрѣе разсказалъ я ему мое приключеніе съ Лади Бленгеимъ, и показалъ ея письмо; за ужиномъ болѣе о томъ уже ничего говорено не было. — Вчерашніе насмѣшники безпокоились явною отличностію Принца къ новопринятому; но что еще болѣе того по-

слѣдовало, когда онъ отвелъ меня къ окошку, гдѣ мы добрые четверть часа съ нимъ проговорили. Милость ко мнѣ продолжалась два дни, а на цѣлой годъ пріобрѣла мнѣ уваженіе. Вотъ, Генрій, конецъ моей повѣсти и письма.

ПИСЬМО 8.

Отъ Генрія къ Вилліаму.

Изъ Парижа.

Ты сдѣлался ѣздя за городъ вѣтренъ, но благоразуменъ у Лади Бланфортъ. По этому другъ мой Вилліамъ способенъ къ вещамъ самымъ хорошимъ и самымъ гнуснѣйшимъ? Шутка, отъ которой ты не могъ воздержаться безъ того, чтобъ не привлечь на свою сторону насмѣшниковъ и проучить Артура, заставила тебя

бя сдѣлать, по правдѣ сказать, обычайную нескромность; но по принятымъ нами правиламъ, не долженъ былъ ты никогда себѣ того позволять. Ты опасался быть почтенъ одну минуту олухомъ, или малоумнымъ, а не помѣшкалъ пожертвовать честію и разумомъ Ты сдѣлалъ, какъ и всѣ люди. Принцъ уже не опасается твоей добродѣтели; онъ приближилъ тебя къ своей особѣ; онъ тебя ласкалъ, и находитъ въ тебѣ все то, что нужно въ придворномъ и любимомъ своемъ собесѣдникѣ. Естьли онъ узнаетъ, что ты имѣешь дарованіе писать стихи и знаешъ музыку, онъ потребуетъ отъ тебя пѣсенки на твою невѣрную; а чтобъ показать болѣе ума, то ты ее и сочинишь; но ты только одному ее споешъ, и будешь спокоенъ, потому что не

не отъ тебя самаго сдѣлается она извѣстною. Вотъ однако что уже ты и сдѣлалъ съ письмомъ, а можешь еще и болѣе того сдѣлать. Другъ мой! первая проступка какъ бы ни была легка, естьли себя извинишь въ ней, повлечетъ насъ въ неописанныя запутанности. Вилліамъ! да устрашатъ тебя двѣ учиненныя тобою ошибки; другъ мой! не извиняй себя въ нихъ и не дозволяй себѣ болѣе. Внемли сердцу твоему; оно правдиво, великодушно. Не полагайся на свой разумъ; онъ хочетъ властвовать; онъ удостовѣряетъ тебя, что одинъ онъ равняется всѣмъ добродѣтелямъ. Прости твоему Генрію, которой тебя любитъ. Разсужденія уже ты безъ сомнѣнія сдѣлалъ, но не довольно на нихъ остановился. Пускай сердце твое и мое одно другимъ

управляются. Сноси мои выговоры, надежной другъ мой; вѣдай, что душевныя качества заставляютъ почитать насъ, а одинъ разумъ не пріобрѣталъ никогда себѣ друга.

Я виноватъ, что не писалъ къ Графинѣ Бланфортъ; но я ожидалъ приказанія для изправленія ея коммисіи: я его получилъ. Какое пріятное упражненіе выбирать для Юліеты? Я почти сказалъ *моей Юліеты*, судя по разговору ея съ тобою, мой другъ. Я не полагаюсь на свой вкусъ и на желаніе сдѣлать лучшее; я теперь у знатной торговки съ женщиною, знающею совершенно новыя моды. Она отбрасываетъ тѣ вещи, которыя третьяго дня были прелестны, и которыя бы я по нещастію могъ отправить за новѣйшія; но онѣ уже стары: она выбрала

шля-

шляпку въ сорочкѣ, которая прекрасна; все будетъ изправно! и естьли пожелаютъ, чтобъ ты изъяснилъ, по чему такъ называется, напримѣръ шляпа въ сорочкѣ, я тебѣ дозволяю прибѣгнуть къ твоему разуму, чтобъ какъ нибудь вывернуться. Будутъ также присланы цвѣты точно какъ живые; ты мнѣ скажешь: Юліета носитъ ли по крайней мѣрѣ хотя одинъ изъ нихъ? Прощай! я очень занятъ, и до безконечности щастливъ.

ПИСЬМО 9.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Щастіе мое утверждено, Генрій; я первой Камеръ-Юнкеръ Принцовъ. Весь Лондонъ меня посѣщаетъ, я видѣлъ у себя въ ви-

визитномъ реэстрѣ Графа, Графиню и Милади Бланфортъ: я въ тотъ же день благодарилъ ихъ за ихъ милость, что принимаютъ участіе въ моемъ благополучіи. Юліета спросила у меня, писалъ ли я къ тебѣ? . . . Нѣтъ, Милади, я хотѣлъ прежде имѣть честь принесть вамъ мою благодарность; я теперь писать буду. . . Напишите отъ меня поклонъ. . . . Множество было гостей; меня окружили; я уѣхалъ.

Естьли извѣстно, съ какою милостію Принцъ опредѣлилъ меня на порожнее мѣсто перваго Камеръ-Юнкера, не только безъ моей прозьбы, но и тогда, какъ я о томъ совсѣмъ не думалъ: то не столько удивляюсь всеобщему рвенію меня поздравлять. Я имѣлъ честь ужинать съ Принцомъ, съ Принцессою и съ нѣкоторыми особами Королевской фамиліи;

при-

пришли ему сказать на ухо, что Графъ Крафтонъ умеръ; онъ намъ о томъ сказалъ, изъявя нѣсколько словъ сожалѣнія объ немъ; по томъ примолвилъ, указавъ на меня: вотъ его преемникъ! Признаюсь тебѣ, я покраснѣлъ, пришелъ въ разстройку; кажется всталъ съ мѣста, чтобъ благодарить его. Принцесса и всѣ тутъ бывшіе одобрили его выборъ, а паче Принцесса, и я помню, что ей обязанъ я за тотъ порядокъ, въ которой старался я самъ себя привести. Ты догадаться можешь, что послѣ ужина я подошелъ къ Принцу: онъ взялъ меня за руку и отведши къ сторонѣ сказалъ: Вилліамъ! я тебя отличаю отъ толпы придворныхъ; я хочу тебя имѣть своимъ другомъ; ты узнаешь, что Государь можетъ знать и чувствовать дружбу... Назавтрѣе представилъ онъ

меня

меня Королю въ новомъ моемъ званіи; я былъ хорошо принятъ. Признаюсь тебѣ, что я больше тронутъ употребленіемъ вещи, нежели пріобрѣтеніемъ оной, и что я навѣки остался ему преданнымъ.

Я въ реэстрѣ моемъ нашелъ имя Виконтессы де Шестеръ; сіе имя заставило меня назавтрѣе туда ѣхать, чтобъ увидѣть добронравную, чувствительную Бетти, дочь ея, которая казалась мнѣ всегда прелестною. Она искренняя пріятельница Юліеты; я хочу быть привязаннымъ ко всему, что близко къ ней, чтобъ услуживать моему Генрію. Я его обнимаю!

ПИСЬМО 10.

Отъ Генрія къ Вилліаму.

Изъ Лондона.

Я не хочу остаться одинъ, которой тебя не поздравствовалъ, Вилліамъ! пріими же и мое привѣтствіе; но не позабудь, о чемъ я тебѣ говорить буду. Принцу ты нуженъ? признайся, что еще ты не могъ удостоиться его дружбы. Такая отличность мнѣ подозрительна. Безъ сомнѣнія мнѣ извѣстны твои добрыя качествы, долженствующія отличать тебя, заставить любить; но онъ такъ ли тебя знаетъ, какъ я? За то ли, что ты столь остроумно поступилъ въ нѣжномъ обстоятельствѣ, случившемся за городомъ? Не за слабость ли Вилліамову нравится собственная его особа? Ты это скоро узнаешь. Принцъ пылокъ, стремителенъ

въ

въ желаніяхъ, страстенъ; надобенъ ему наперсникъ, на котораго бы могъ онъ положиться. Онъ увидѣлъ въ тебѣ ловкость; ты молодъ, живъ, горячъ; онъ хотѣлъ привязать тебя къ себѣ отмѣнною благосклонностію: онъ показалъ тебѣ то при первомъ случаѣ; онъ обязываетъ тебя, чтобъ имѣть право на твою признательность. Онъ называетъ себя твоимъ другомъ, дабы ты совершенно его другомъ сталъ. Берегись, Вилліамъ! его и самаго себя. Вспомни, что ты мнѣ говаривалъ: какъ это можетъ быть Генри, чтобъ два года разности въ лѣтахъ нашихъ подали тебѣ опытность, какой я не имѣю? Другъ мой! шесть мѣсяцовъ опыта между людей часто болѣе стоютъ, нежели цѣлая жизнь въ размышляющемъ уединеніи; надобно видѣть ихъ движенія, чтобъ су-

судитъ объ нихъ, и я видѣлъ ихъ двумя годами прежде тебя.

Сохраняй ко мнѣ, другъ мой, повѣренность, сказывай мнѣ обо всемъ; ты мнѣ далъ въ томъ слово. Естьли я могу отвратить неудобство прежде дѣйствія, то я обязанъ буду въ томъ совершенной твоей откровенности, которую ты мнѣ обѣщ лъ, даже и противу самаго тебя; естьли не можешь иначе увѣдомить, какъ уже послѣ случившагося, то можетъ статься еще останется какое ни есть средство упредить послѣдствія. И такъ прежде, послѣ, завсегда, открывай сердце твое другу, которой тебя болѣе самаго себя любитъ.

Когда будешь у Юліеты, то хорошенько изъясни ей, сколько благодаренъ я за поклонъ черезъ тебя присланной. Увидя Лади

Бетти, подай обо мнѣ хорошія мысли, другу моей любезной. Прощай!

ПИСЬМО 11.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Письмо твое очень поздно пришло: дѣло сдѣлано, слово дано, и честь моя обязана. Увидишь, Генрій, могъ ли я отдѣлаться. Я получаю цидулку отъ Принца, которой желаетъ со мною видѣться на единѣ въ полночь:... „Другъ мой Вилліамъ! я еще со вчерашняго дня хочу тебѣ открыть страсть меня терзающую. Я полагаюсь на твою дружбу; мнѣ она надобна: ты мнѣ въ ней не откажешь. Я любилъ Лади Бленгеймъ. Прочтенное тобою письмо, то что мы о томъ говорили, обратило мое вниманіе на нее. Въ прошедшее

воскресенье, когда она была у Двора, показалась мнѣ прелестною. Можетъ статься, она примѣтила, что я ею занимаюсь; но я ничего ей не говорилъ и не дѣлалъ. Желая имѣть ее любовницею, думалъ я, что для обладанія ея мысли ты лучше всѣхъ мнѣ услужишь. Я бы, другъ мой, для тебя то же сдѣлалъ, чего отъ тебя требую; хочешь ли ты это на себя принять? Вотъ письмо и предложенія мои; ты все это прочти, чтобъ лучше понять,, — Какъ отказать? другая причина влекла меня; я коварствовалъ тѣмъ противу Артура. Я прихожу къ моей измѣнницѣ: ,,Я явился къ вамъ, Милади, чтобъ получить поздравленіе, котораго однѣ вы не сдѣлали мнѣ на новое мое званіе. — Я должна вамъ еще другимъ, Вилліамъ, что вошли вы въ милость, и я поздравляю васъ отъ всей души

моей — Милость, въ которую я принятъ, скоро будетъ искать вашей милости, и я буду просить покровительства у моей повелительницы. — Какъ это! . . вы ненавидите своего мужа; у васъ нѣтъ ни полушки; красота ваша и прелести погребены въ печальномъ домѣ; вы невольница, и можете царствовать? Вотъ письмо отъ Принца, которое приказано мнѣ вамъ вручить. Читайте. — О! любезный Вилліамъ, сколь много укоряю себя, что прежде васъ не знала! Естьли я это приму, то для того, чтобъ изправить мою вину; вы будете располагать мною. — Но не будетъ ли это также нѣсколько для того, чтобъ освободиться мужа, которой вамъ столь противенъ? .. Признаюсь, Вилліамъ, сіе благополучіе побуждаетъ меня рѣшиться. — Такъ я донесу о томъ Принцу?

цу? — Нѣтъ, еще пожалуй погоди; я не хочу съ вами притворяться. Но прежде надобно сопротивленіе, чтобъ вскружить голову Принцу, и нужно его легкомысліе. Это, Вилліамъ, требуетъ великаго искусства. Вы бы были очень не важнаго ремесла, естьли бъ только были просто вручителемъ письма; я хочу дать вамъ роль посланника отъ великаго Принца. Надобно, чтобъ онъ мнѣ обязанъ былъ вашимъ переговоромъ, неотступностію; вы ему будете тѣмъ милѣе, а я болѣе уважаема. „ Я будто письма читать не хотѣла, но вы мнѣ его прочитали. Я будто покраснѣла, двадцать разъ говорила нѣтъ, трепетала о моей славѣ, будто бы боялась своего мужа, отца, матери, самаго Принца; что естьли только одна прихоть, вкусъ единоминутной: то что

со мною последуетъ послѣ такого посрамленія? Безъ твердаго щастія, безъ пристанища, придется мнѣ броситься въ Темзу. Будто я отказывалась, не лишая однако же всей надежды. Ты меня разумѣешь, плутишка? А по томъ плута поцѣловали изо всей силы; не было сдѣлано въ томъ затрудненія, но я однако же чувствовалъ, что уже она не прежняя моя любовница, да и она уже почитала себя въ объятіяхъ Принцовыхъ.

Ожидаемый отвѣтъ, принесенный Его Свѣтлости, возбужденная страсть, сильныя желанія, нетерпящія неизвѣстности, могущество, преодолѣвающее и самую невозможность. . . Принцъ вынимаетъ изъ письменнаго стола банковой билетъ во сто тысячь талеровъ, приписываетъ два слова къ прежнемъ своемъ письмѣ, которое я опять къ нему принесъ,

и убѣждаетъ меня какъ наи-скорѣе отдать, обѣщать и по-казать ей письмо, обнадеживаю-щее успѣхъ ея требованій. Онъ опять къ себѣ меня кличетъ. Другъ мой! еще къ тому вотъ этотъ ларчикъ. Сего дня въ ма-ленькомъ моемъ домѣ, а завтра Милади будетъ хозяйкою того, которой отдаю я ей въ Пал-малѣ.

Я на дорогѣ самъ себя спра-шивалъ, что за дьяволыщина во-шла Принцу въ голову привя-заться къ женщинѣ, зная совер-шенно, что я недавно ее имѣлъ? Можетъ статься для того, что она со мною уже разсталась; что онъ почитаетъ ее разкаявающе-юся о первомъ проступкѣ и цѣло-мудренну... я не могъ того по-нять. Я бы долженствовалъ се-бя вопросить, какъ Вилліамъ безъ стыда и спокойно могъ взять

на себя роль ему препорученную? И я сего вопроса до полученія отъ тебя письма никогда самъ себѣ не дѣлалъ. Писавши къ тебѣ, я нѣсколько краснѣлъ. Но наконецъ въ разсужденіи сей любимицы и я также Принцъ. Не очень меня брани, Генрій; признаюсь, что я виноватъ: дѣло сдѣлано, и ты не можешь впредь подобныхъ опасаться.

Вчерась былъ я рано у Милади Бланфортъ прежде собранія. Юліета меня ожидала; я это примѣтилъ по ея веселости и наряду. Она бы мнѣ сказала, что ея шляпа, перья, цвѣты, букетъ, твоего выбора, естьли бы я былъ столько простъ, чтобъ сталъ у нее спрашивать о состояніи ея здоровья, прежде нежели выхвалять прелести ея уборовъ. Я не допустилъ ее до замѣшательства хвалить тебя,

но

но началЪ самЪ, превознося тебя и вкусЪ твой похвалами. ЧѢмЪ больше входило гостей, тѢмЪ менѢе нами занимались, и мы разговаривали какЪ двое наиблагополучнѢйшіе. МнѢ показали, что я тобою не позабытЪ вЪ письмѢ, изЪ котораго прочтено до меня касающееся, и сіе письмо хранилось вЪ хорошенькомЪ портфелѢ, которой надѢются таковыми же наполнить. ГерцогЪ нахмурясЪ смотрѢлЪ, что мы дѢлаемЪ. Юліета не удостоевала того примѢчать. ЛюбимЪ ли ты, Генрій, и всегда ли я буду тебя о томЪ спрашивать? ПоговоримЪ не шутя. Ты боишься суетности отца ея и пышности Герцога? Но ты не вѢдаешь, что мать даетЪ законы, которые получаетЪ она отЪ дочери; что тотЪ Король, кто нравится ЮліетѢ.

Не знатной ли ты породы, не богатъ ли? Мѣсто, которое ты занимаешь, не ведетъ ли тебя къ большимъ почестямъ? Вотъ это для удовольствованія отца; не наполненъ ли ты разсудка, разума и благоразумія? Вотъ это для матери. А твой видъ, прелести, пріятное чистосердечіе, и трогающая скромность, какіе должны сдѣлать впечатлѣнія въ мысляхъ Юліеты? Изъясни мнѣ себя, другъ мой, или я тебя изъясню.

Доброй вечеръ, Генрій; будь спокоенъ; я не сдѣлаю сего дня ошибки. Скоро полночь; мнѣ осталось только запечатать письма и ложиться спать.

ПИСЬМО 12.

Отъ Генрія къ Вилліаму.

Изъ Парижа.

Ты боишься, Вилліамъ, выговора болѣе, нежели оскорбить дружбу; я не сдѣлаю тебѣ никакого. Что я могу тебѣ сказать, чего бы ты не сказалъ самъ себѣ? Естьли бы ты, не вступая въ дѣло, обо мнѣ подумалъ, то бы я былъ нѣсколько спокойнѣе о будущемъ; но . . . я вычерниваю, что хотѣлъ было прибавить. Я воззываю сердце твое, то доброе сердце, которое было мнѣ всегда открыто; да возпретитъ оно тебѣ все оскорбить меня могущее. Я возложилъ большую часть благополучія моего на тебя; ты долженъ мнѣ дать отчетъ. Еще слово, Вилліамъ: я боялся ума твоего для тебя собственно; а теперь

боюсь для самаго себя. Тебя научили злоухищренію, тебя научили обманывать. Ты меня любишь, ты опасаешься нарушить тишину въ душѣ моей, ты желаешь, чтобъ я молчалъ; что очень не хорошо. Другъ мой! естьли ты одинъ разъ потаишься съ Генріемъ, то ты его всегда обманывать станешь, да и безъ угрызенія совѣсти. Ты останешься одинъ посреди тысячи сѣтей, преданъ неизвѣстности, безъ совѣта и безъ подпоры. Возобнови мнѣ клятву все мнѣ сказывать. Огорченіе мое продолжится одну минуту, а довѣренность твоя усладитъ ее.

Такъ, на тебя Вилліамъ, на того самаго человѣка, которой столь хорошо усматриваетъ, столь справедливо разсуждаетъ, долженъ я полагаться въ чувствованіяхъ Юліеты, и въ томъ,

что мнѣ должно дѣлать. О, мой нѣжной другъ! ты любишь меня болѣе себя. Сочувствуешь ли всю радость мою? Сколь бы была она совершенна, сколь жива, естьли бы ты самъ себѣ не измѣнялъ! Не забывай болѣе самъ себя, Вилліамъ. Я хочу послѣдовать твоему совѣту, писать къ Юліетѣ чистосердечно, но, въ противность желанія твоего, застѣнчиво. Я осмѣлюсь судить по благопріятному отвѣту. Естьли Юліета хотя нѣсколько будетъ съ тобою откровенна, то щастіе мое возможно. Сберегай отца и мать; я хочу быть всемъ тѣмъ одолженъ. Прощай, Вилліамъ!

ПИСЬМО 13.

Отъ Виллiама къ Генрiю.

Изъ Лондона.

Царствованiе Лади Блентгеимъ начинается, и я любимецъ меньшаго Двора въ Палмалѣ. Произшествiе надѣлало нѣсколько шума; не очень надобно быть проницательну, чтобъ примѣтить сквозъ прозрачную завѣсу скрывающую меня. Король позволяетъ сыну своему женщину съ нѣкоторымъ званiемъ, но не позволитъ актрису. Онъ обходился со мною по обыкновенiю. Все это не по нраву господину Артуру, которой обнаруживаетъ себя не кланяясь болѣе мнѣ. Шерфильдъ, нашъ старинной школьной прiятель, сказывалъ мнѣ, что Артуръ ему и еще двумъ, или тремъ человѣкамъ изъяснялъ, что значитъ другъ Принцовъ.

Я

Я ему препоручилъ сказать Артуру, что и я изъясняю также, что значитъ Артуръ. Причина всему тому та, что Принцъ требовалъ отъ своей любовницы не принимать Артура. Видно, что она ему сказала, потому что онъ вскружился, и можетъ быть прибавила къ тому, что я тому виною. Я требовалъ, чтобъ она мнѣ въ томъ призналась; но она клялась мнѣ, что она не видѣла и не думала видѣть Артура; что естьли онъ противенъ Принцу, то и ей не имѣетъ чести нравиться, и просила меня, чтобъ мы только собою занимались. Принцъ не позволяетъ ей также показываться въ публикѣ: онъ облекаетъ ее въ нѣкоторой трауръ вдовства. Она бѣсится и приступаетъ ко мнѣ, сколько можно, чтобъ испросить ей болѣе вольности,

или позволенія принимать у себя больше людей. Я бы чорт знает что сдѣлал, чтоб обѣим угождать; но не могу до того достигнуть. Когда Принц скажет: мнѣ это не возможно, то она всегда хочет, чтоб я сдѣлал возможным.

Милость ко мнѣ Принцова совершенна; вчерась еще он оказал мнѣ новой того опыт: он просил для меня так что я того и не вѣдал, четырнатцатой полк, в котором было упалое мѣсто, и оной мнѣ пожалован. Я бы хотѣл в произвожденіи одолжен быть моему достоинству, но сі бы был пример столь рѣдкой, как и в других мѣстах.

Чувствованіе мое к Леди Бленгеим крайнѣ изтощилось; я стыжусь употреблять его болѣе, измѣняя Принц. Я доволь-

но

но холодно обращаюсь, чтобЪ тѢмЪ дать ей о томЪ знать. ОтЪ тоголь, что она думаетЪ усилить себя вЪ любимицахЪ, показывая ко мнѢ любовь; или находясь вЪ уединенiи, и вЪ самомЪ дѢлѢ я ей нуженЪ; только жалуется она на мое безпристрастiе, и старается возпламенить его сколько ей возможно; но я однакожь твердо рѢшился не поддаваться.

ЕстьлибЪ я былЪ благоразуменЪ, то бы старался искать вЪ Бетти ШестерЪ, прежней моей любовницѢ, и которая бы должна получить преимущество. Тысячу разЪ прекраснѢе, чувствительна и наполнена разума; какой я сдѢлалЪ дурной выборЪ! я могу все поправить. При таковыхЪ качествахЪ, она обладаетЪ драгоцѢннымЪ названiемЪ сердечнаго друга Юлiеты. Я хо-

чу опять возложить на себя ея оковы. Можетъ статься сего дня ввечеру увижу ее у Милади Бланфортъ. Я скажу, что получилъ отъ нихъ поздравленіе съ новымъ моимъ чиномъ. Я поговорю съ Юліетою о себѣ и немного о тебѣ. Хочу, чтобъ Бетти Шестеръ какъ возможно скорѣе узнала, что я ее всегда любилъ, и чтобъ я желалъ того, когдабъ она мнѣ позволила о томъ ей сказать. Генри мой! я тебя отъ добраго сердца обнимаю.

ПИСЬМО 14.

Отъ Генрія къ Вилліаму.

Изъ Парижа.

Ты еще не получилъ послѣдняго моего письма, другъ мой, когда писалъ ко мнѣ и о себѣ самомъ. Ты открываешь мнѣ свое серд-

сердце, ты все мнѣ сказываешь. Не дѣлай мнѣ болѣе новой клятвы, которую я было хотѣлъ отъ тебя требовать. Долженъ тебѣ признаться я, что вѣрю, что не скроешь отъ меня ни единой твоей мысли, ни единаго проступка. Ты самое изображеніе кротости и благодушія. Ты не могъ имѣть у себя никакого непріятеля, но ты получилъ его въ Артурѣ. Ты конечно не хочешь скрыть того, что удовольствіе его уничтожить имѣло великое вліяніе въ первую нескромность тобою учиненную. Не лги; ты возхищенъ, видя его остановленнаго у дверей твоей любовницы. Ну, мой другъ! ему не льзя не вѣдать того, что нанесенной ему ударъ отъ твоей руки произходитъ. Онъ долженъ желать тебѣ зла, вызвать тебя на поединокъ, изтребить тебя, есть ли

 мо-

можетъ; ибо онъ думаетъ, что ты его погубилъ. Два слова, которыя велѣлъ ты ему сказать чрезъ нескромнаго, ненавистны; ибо какъ иначе объ Артурѣ сказать можно? Это нещастливой любовникъ, и человѣкъ честной, вооруженной противу любимца, похитившаго у него любовницу для Принца. Вотъ какъ онъ можетъ толковать дѣло, но тебѣ изъясняться. Онъ не виноватъ; а тебѣ простить не можно, естьли не предупредишь нещастію, котораго я страшусь; ты будешь мой герой, естьли умѣешь побѣдить себя. Имѣй твердость итти къ Артуру, и признайся ему, что ты похитилъ у него любовницу. Скажи ему, естьли хочешь, что никакая ненависть къ тому тебя не принудила; ибо онъ тебя не обидѣлъ. Увѣрь его что ты употребишь всѣ силы, чтобъ допу-

пущенЪ онЪ былЪ кЪ Лади Бленшгеимъ, и что ты постараешся отвратить подозрѣніе, которое на него упало; но сдержи слово: АртурЪ не чинЪ атакуетЪ, но человѣка, которой лишилЪ его любовницы. Возврати ее ему, и онЪ проститЪ тебѣ тотЪ случай, которымЪ ты пользуешся. Я знаю твою душу; она велика. Я всего отЪ нее ожидаю, и спокоенЪ.

Ты обрадовалЪ меня, отставЪ отЪ самой негодной женщины, а можетЪ бы еще и отЪ наиопаснѣйшей. Не вдругЪ разрывай, но развязывай, и не прибавляй себѣ еще злодѣя. Она осквернила мою бумагу, и я едва смѣю схвалить тебя за любовь твою кЪ Бетти, чтобЪ не поставить рядомЪ имена ихЪ. Разсуди, другЪ мой, что произойдетЪ отЪ склонности непорочной и благоразумной кЪ Бетти?

Н нищастливѣйшій союзъ четырехъ смертныхъ, соединенныхъ между собою съ рабячества.

Новая щедрота Принцова можетъ быть уже не сѣти, но награда за твое нещастливое легкомысліе. Эта должность принудитъ тебя оставлять Дворъ всякой годъ на четыре мѣсяца. Я самъ себя съ тѣмъ поздравляю.

Я еще не получилъ отъ Юліепы отвѣта, и разсчитая время, не могу еще его имѣть. Ты нѣчто свѣдаешь прежде меня о моемъ благополучіи; я завидую тебѣ въ таковой радости. Но есть ли, другъ мой, надежда, которою ты льстилъ меня, изчезаетъ: сколь ты будешь наказанъ, и сколь я буду жалокъ!.. Прощай, Повторяй себѣ, что все, все, чего я требую, чтобъ ты изполнилъ въ отважности и любви, обрѣтетъ на-

награду свою въ сердцѣ твоего друга.

ПИСЬМО 15.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Я не позволилъ себѣ размышленія, Генрій, и, уступя движенію великодушія тобою въ меня вселеннаго, ходилъ къ Артуру; онъ поѣхалъ въ *Дублинъ*, куда думаю дѣла фамильныя, смерть дяди его, потребовали. Не опасайся, чтобъ сіе чувствованіе продолжилось во мнѣ только одну минуту. Вилліамъ будетъ Генрій; онъ можетъ то себѣ обѣщать.

Юліета имѣла изъясненіе твое въ карманѣ. Она береглась, чтобъ не вынимать своей записной книжки, но ей нужно было со мною поговорить о тебѣ. Она хотѣла знать,

сдѣлалъ ли ты мнѣ повѣренность въ твоемъ чувствіи; ей хотѣлось въ томъ утвердиться. Какъ скромной другъ, я мало говорилъ, не подаваясь далеко, и сіе мало вселяло радость въ ея душу. Она краснѣла, не смѣла поднять на меня прекрасныхъ глазъ своихъ. Она страшилась, не увижулъ я въ нихъ твоего имени и любви ея. Бетти вошла; она бросилась къ ней на шею, и, отведя ее къ сторонѣ, дала обремененной душѣ своей свободу оказать дружбѣ все то, что имѣла она сказать о любви. Щастіе твое рѣшилось; я могъ пещись о своемъ. Думаю, что сказанное мною Бетти не могло понравиться двумъ сестрамъ. Я просилъ дозволенія къ нимъ пріѣхать; Юліета мнѣ то изпросила. Видишь ли, что она хотѣла наградить меня? Госпожа Бланфортъ пригласила меня къ себѣ

ужи-

ужинать. Какой день для меня! О когда бы случались мнѣ почаще подобные, но чтобы Генрій могъ раздѣлить мое благополучіе!

Принцъ ни мало не облегчаетъ строгости тюрмы своей любовницы. Надобно, чтобъ имѣлъ онъ отъ Короля повелѣніе; ибо въ первыя минуты страсти не бываютъ неупросимы. Онъ видитъ, что она претерпѣваетъ, хотя показываетъ наружно радость и благоденствіе. Онъ увидитъ скоро, думаю я, что она любовь основываетъ только на богатствѣ и независимости. Она отягощаетъ меня досадою, которую не осмѣливается показать Принцу; она обвиняетъ меня, бранитъ, и, что еще хуже, ласкаетъ, чтобъ достигнуть своей цѣли всевозможными средствами. Я не говорю ни одного слова, которое бы мнѣ измѣнило. Пускай она

 сама

сама выпутывается. Принцъ говоритъ мнѣ объ ней съ страстію; онъ почитаетъ себя щастливымъ и благополучнымъ, что обрѣлъ женщину по сердцу своему. Я надѣюсь, чтобы ты не пробылъ долго при Его Свѣтлости, такъ какъ и съ нами; ибо уже она мнѣ наскучила своими повѣренностями.

Ты понимаешь, что я не пробуду сутокъ, не видавшись съ двумя сестрами; можетъ статься, съ обѣими вмѣстѣ. Постараюсь однако же застать Бетти дома. Я имѣю тысячу вещей сказать ей, которыя бы я не могъ такъ свободно выговорить при посредницѣ, и которая и сама такъ хороша, что можетъ привесть въ разсѣяніе. Прощай, Генрій!

ПИСЬМО 16.

Отъ того же къ тому же.

Изъ Лондона.

Восемь дней много сдѣлали въ твоихъ и въ моихъ дѣлахъ успѣха; знать такъ опредѣлено, чтобъ двѣ сестры насъ любили. Я услышалъ изъ устъ Юліеты касающееся до тебя признаніе. Мать меня принимаетъ и обходится съ учтивостію, заставляющею заключать, что преданность моя пріятна. Домъ ихъ небогатъ, да и я также долженъ въ томъ согласиться; но я очень увѣренъ, что нѣжная Бетти никогда не освѣдомлялась, есть ли у меня достатокъ. Она не можетъ инымъ заниматься, какъ тѣмъ, люблю ли я. Я дозволяю говорить моему сердцу, и имъ увѣряю. Какое различіе изливаетъ на жизнь мою сіе новое чув-

чувствованіе! Оно меня занимаетъ, и влечетъ къ предмету всѣхъ моихъ желаній; оно возхищаетъ меня! Я наищастливѣйшій изъ смертныхъ! Она свѣдала нѣчто о похищеніи Лади Бленгеимъ, но не знаетъ того, что я знатной служитель Двора ея. Она спрашиваетъ меня съ любопытствомъ, но безъ смятенія, о раздѣленіяхъ съ нею моихъ чувствованій. Она мнѣ вѣритъ; она съ надежностію полагается на друга Генріева, о которомъ ей вседневно говорятъ. Двѣ сестры насъ сравниваютъ. Видишь ли ты, что я тѣмъ выигрываю?

Охладѣнѣлость моя къ Лади Бленгеимъ произтекаетъ отъ омерзенія, которое скрываю я подъ словомъ почтенія и уваженія, которыми долженъ Принцу. Я заставляю его страшиться его подо-

подозрѣній, и вѣритъ, что я примѣтилъ сокрытую злобу, которая премѣнясь въ вѣроятность, можетъ быть для насъ пагубна. Я иногда избавляюсь отъ ея безстыдства, но еще не совсѣмъ. Ты мнѣ говорилъ, что не надобно прерывать, но чтобъ развязывать; а для развязыванія нужно пронырство, и я употреблю въ пользу тѣ превосходные уроки, которые она мнѣ преподала. Не страшись ничего о моемъ сердцѣ; оно не можетъ развратиться, ниже нѣсколько быть повреждено. Я безъ умысла могу быть несправедливъ, или правосуденъ, смотря по людямъ, по обстоятельствамъ. Генрій найдетъ всегда для себя истинну и правоту въ нѣдрахъ моего сердца; я ему въ томъ отвѣчаю. Увѣдомили меня о возвращеніи Артура: я буду у него чрезъ часъ.

часѣ. Ты не можешь себѣ представить, сколь мало мнѣ стоитѣ признаться передѣ нимѣ вѣ винѣ моей, и сколь много внушенное вѣ меня тобою великодушіе придаетѣ мнѣ силы. Душа моя возлетаетѣ на высоту души Генріевой; я тѣмѣ превозношуся. Прощай! завтра я кѣ тебѣ отпишу о слѣдствіяхѣ моего поступка. Обнимаю тебя!

ПИСЬМО 17.

Отѣ Леди Юліеты Бланфортѣ кѣ Лорду Генрію.

Изѣ Лондона.

Не опасайся, любезный братецѣ, о жизни Вилліама; онѣ безопасенѣ. Я его не покидаю. Батюшка мой, матушка и Бетти сѣ своею матерью надѣ нимѣ надсматриваютѣ и служатѣ ему.

Онѣ

Онъ раненъ шпагою въ руку; пальцами шевелитъ, и лихорадки въ немъ нѣтъ. Давича онъ сказалъ намъ: я буду въ состояніи написать къ Генрію; этого не хотятъ. — Ну, такъ пускай Милади Юліета это на себя возметъ, а я обѣщаюсь не писать. Но завтра заставлю писать своего Секретаря; ибо онъ будетъ безпокоиться, доколѣ не увидитъ строкъ моихъ, и не увѣдомлю я его о подробностяхъ нещастливаго моего приключенія. Вилліамъ запретилъ всѣмъ своимъ домашнимъ писать о томъ къ своей матери. Онъ ее обожаетъ, и не хочетъ оскорбить ее ни одного раза въ жизни. Я думаю, что ваша мать, любезный братецъ, находитъ всегда подобную душу въ своемъ сынѣ. Онъ много повторялъ мнѣ не потревожить васъ. Я была къ тому же раз-

расположена, и надѣюсь, что письмо мое приноситъ вамъ спокойство почти въ одно время съ безпокойствомъ. Единогласно всѣ вопіютъ, всѣ обвиняютъ Артура. Принцъ самъ пріѣзжалъ освѣдомиться о нашемъ другѣ. Онъ не могъ ограничить негодованія своего противъ Артура. Честный Вилліамъ уговаривалъ его. Я не могу сообщить вамъ ничего, любезный братецъ, кромѣ добраго, за что я взялась съ великимъ удовольствіемъ. Вы имѣете слишкомъ много причинъ вѣрить моимъ чувствованіямъ, чтобъ не ожидать, что обѣщаю я себѣ отъ вашего усердія; я тому вѣрю, и хочу вѣрить.

Вилліамъ, Бетти, родитель мой и я, обнимаемъ васъ, любезный братецъ, отъ всего нашего сердца!

ПИСЬ-

ПИСЬМО 18.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Ты спокоенъ о моемъ состояніи, Генрій; любезная Юліета приняла на себя жестокое изполненіе, чтобъ сообщить тебѣ о моей ранѣ. Но она знала, чѣмъ тебя успокоить, отвѣчая тебѣ за жизнь мою; и я былъ спокоенъ, что ты ей повѣришь какъ самому мнѣ. Не тревожься; я писать могу, но сего совсѣмъ не хотятъ. Я еще то же сдѣлаю, что ты мнѣ сдѣлать совѣтовалъ, Генрій. Надлежало найти въ Артурѣ самаго грубаго человѣка, желѣзную голову, непреклонную къ разсудку, и сердце, наполненное желчи; огорченнаго вседневно своею любовницею, которая обвиняетъ меня, что учинилъ нещастными ихъ обоихъ. Каждой другой чело-

вѣкъ тронуяся бы откровенностію моего признанія, и предложеніемъ, которое сдѣлалъ я изправить мою вину услугами и дружествомъ.

Онъ тогда завтракалъ съ двумя своими друзьями: одинъ изъ нихъ былъ мнѣ знакомъ, и назывался Гриммъ. Я не замедлилъ говорить при нихъ; ибо ощущалъ въ душѣ, чѣмъ отвѣчать за мою неустрашимость, естьли имъ потребенъ будетъ другой опытъ, кромѣ великодушія, съ которымъ я предсталъ. Артуръ слушалъ меня съ холодностію, и отвѣчалъ мнѣ, что это не проходитъ просто между людьми честными. — Артуръ и господа сіи ваши друзья; я ихъ беру въ судьи. — А я другихъ не хочу, кромѣ моей шпаги. Друзья мои! вы не знаете этаго человѣка, указавъ на меня рукою; это злодѣй подлецъ, подборщикъ, наушникъ! будьте свидѣтели

тели, берегитесь помогать его трусости, возпрепятствуя мнѣ наказать его. Я его не упущу! а естьли онъ уйдетъ, то нигдѣ не увернется.... шпагу въ руки! Онъ наступаетъ на меня; друзья его удаляются, и дали намъ волю. Признаюсь тебѣ, что сей поступокъ показался мнѣ недостойнымъ, и возмутилъ меня. Сперва я защищался, по томъ съ твердостію наступилъ. Я выпалилъ, а онъ худо отвелъ ударъ, и я ранилъ его въ грудь... Разъяренный, онъ кинулся и прокололъ мнѣ руку. Шпага у меня изъ рукъ выпала; свидѣтели бросились между насъ, и удержали его: онъ бы въ злобѣ умертвилъ меня. Я не потерялъ чувствъ, но удерживалъ ручьями текущую кровь лѣвою рукою. Артуръ ругалъ и очень шумѣлъ. Слуги сбѣжались. Мои люди отрѣзавъ рукавъ отъ мо-

его платья, платками перевязали мнѣ рану. Кровь остановилась; меня отнесли въ карету. Гриммъ захотѣлъ проводить меня. Остальное тебѣ извѣстно. Сего дня должно тебѣ вѣдать только то, что я очень мало чувствую боли; что я безъ лихорадки; что всѣ движенія руки моей свободны, и что ударъ попалъ на излетѣ, не коснувшись никакого нерва; наконецъ, что я еще сдѣлаю то, что ты мнѣ совѣтовалъ, и что меня принудили быть только лишь храбрымъ, тогда, какъ показывалъ я себя великодушнымъ.

Я познаю безпрерывныя милости всѣхъ Бланфортовъ и Шестеровъ; но Бетти, но Юліета, какъ изобразить тебѣ ихъ безпокойствы, ихъ попеченія, небольшія услуги, которыя долженъ я принимать, чтобъ не досадить имъ! Сіи добрыя души отвер-

ваются на сожалѣніе; моя душа вся преизполнена благодарностію и чувствованіемъ весьма нѣжнымъ, имѣющимъ опредѣлитъ жребій моей жизни. Я требовалъ быть наединѣ, чтобъ составить сіе письмо; мнѣ дали только полчаса времени. Всѣ опять вошли, и посылаютъ къ тебѣ поклоны, изъ которыхъ одинъ конечно поцѣлуй. Прощай мой Генрій!

ПИСЬМО 19.

Отъ того же къ тому же.

Изъ Лондона.

Я не имѣю никакого безпокойства, любезный Генрій, кромѣ того, которое тебѣ приключилъ ты меня оправдываешь и спокоенъ о моемъ состояніи. Ранѣ

моей лучше: я почти выздоровѣлъ; я почитаю себя столь благополучнымъ, что досадую о скоромъ выздоровленіи. Ты чувствуешь все, что обстоятельство и благодарность преподаютъ мнѣ сказать нѣжнаго, и все то, что соболѣзнованіе произвело для любви въ сердцѣ Бетти. Она мнѣ открылась. Твоя Юліета подкрѣпляетъ сіе первое движеніе въ своемъ другѣ, чтобъ угодить твоему. О нѣжныя сердца! колико мы вамъ одолжены! . . . Генрій! учини меня достойнымъ себя, дабы быть ихъ достойнымъ.

Принцъ всякой день посѣщаетъ меня. Любезная моя пишетъ, что ей того не позволено, и проситъ, чтобъ я сказалъ самъ себѣ все то, чего она не говоритъ. Письмо ея составлено такъ, что я одинъ могу его выразумѣть, и быть положено безъ

ма-

малѣйщей опасности на каминѣ, или на столикѣ подлѣ кровати. Я употребляю всѣ старанія смягчить Принца во гнѣвѣ его; онъ разспрашивалъ Гримма, которой конечно все сказалъ. Онъ почитаетъ, что Артуръ въ рѣчахъ своихъ нарушилъ къ нему почтеніе. Онъ погубитъ его. Артуру знать изтолковали опасность слѣдствія сего дѣла; онъ оставилъ Лондонъ. Я очень буду огорчаться, естьли онъ претерпитъ выше того, что заслужилъ, судя о себѣ по словамъ Двора и города.

Я прерываю письмо мое. Юлiета вошла. Я имѣлъ справедливую причину сказать, что не желалъ бы выздоровѣть, чтобъ удержать при себѣ продолженіе оказуемаго мнѣ благополучія. Она пришла предварить меня, что Бетти и мать ея должны ѣхать

въ Борксирь къ теткѣ, при послѣднемъ концѣ находящейся: это одолженіе, чтобъ пріуготовить меня къ сей разлукѣ; я чувствую, чего мнѣ будетъ это стоить. Я былъ бы очень нещастливъ, естьлибъ Бетти, имѣя такое сердце, не оставляла мнѣ себѣ подобную. Я обнимаю тебя съ великою нѣжностію!

ПИСЬМО 20.

Отъ Лорда Генрія къ Лади Юліетѣ.

Изъ Парижа.

Какой ужасъ!.. но сколько же и щастія принесло мнѣ ваше письмо, прелестная сестрица! Вы только одна, которая могла ободрить меня и вселить нѣкоторое спокойствіе въ удаленіи отъ мо-

его друга. Истина ваша меня обнадежила, а милости отвѣчали за попеченія, въ которыхъ имѣлъ онъ нужду. Я тотчасъ побѣжалъ къ Французскому Министру, просить его окончать нѣкоторыя дѣла, непозволяющія мнѣ отлучиться, и въ то же время увѣдомилъ его, что я отправилъ курьера для изпрошенія себѣ отъ Двора отпуска, и что не сомнѣваюсь получить оной. Я отправлюсь чрезъ дватцать четыре часа въ Лондонъ, куда пріѣхавъ, стану жить скрытно до полученія отпуска. Сдѣлайте мнѣ милость, милая сестрица! пріуготовьте Вилліама къ свиданію со мною. Я ѣду безъ свиты, и стану жить у него. Естьли я не буду имѣть щастія васъ у него найти, то приму на себя заботу о Вилліамѣ, и побѣгу васъ искать, чтобъ изъявить безконечную

 благо-

благодарность, которою я вамЪ долженЪ, и возобновить у ногЪ вашихЪ прозьбу, взирать милостиво на чувствованія самыя живыя и нѣжнѣйшія, привязывающія меня кЪ вамЪ на всю жизнь мою. ТакЪ подлинно, моя обожаемая сестрица! отЪ сей милости зависитЪ впредь благополучіе Генріево.

Возмите на себя трудЪ засвидѣтельствовать мое почтеніе матушкѣ вашей, и поклонЪ Милорду.

ПИСЬМО 21.

ОтЪ Леди Юліеты кЪ Леди Бетти.

ИзЪ Лондона.

ВилліамЪ все тебя ожидалЪ, моя Бетти, и сЪ стѣсненнымЪ серд-

сердцемЪ безпрестанно мнѣ говорилЪ: но она не ѣдетЪ! и потомЪ заплакавЪ: вижу, Милади, что она не будетЪ! Признайся мнѣ, она уѣхала? она хотѣла вЪ болѣзни моей сберечь меня отЪ тягости прощанія. ДумаетЪ ли она, что разлука меньше мучительна, меньше обременяюща? — Но Бетти подЪ властію. — Думаетель вы, чтобЪ я ее увидѣлЪ, естьлибЪ она ни отЪ кого не зависѣла? — Я думаю — Ну! я меньще буду сѣтовать; потому что вы обнадеживаете меня вЪ ея милостяхЪ и участіи, которое я вЪ ней принимаю. — Надобноль мнѣ повторять вамЪ, ВилліамЪ? Я имѣю право говорить: вы любимы. — По этому я щастливЪ, и я обязанЪ вамЪ вмѣстѣ со щастіемЪ за ту силу, которую имѣете вы услаждать мою горесть. Смотри, моя Бетти, какЪ онЪ тебя обожа-

жаетъ. Я тебѣ всегда сказывала, что Вилліамъ есть Генрій, и мы имѣемъ щастіе быть любимы людьми наисовершеннѣйшими въ свѣтѣ. Я запретила Вилліаму къ тебѣ писать иначе, какъ моею рукою, доколѣ можетъ онъ исполнить то безъ опасности. Онъ не осмѣлится диктовать мнѣ; но я буду столькожъ нѣжна, какъ и онъ. Я надѣюсь, что отсутствіе твое не будетъ продолжительно.

Мнѣ пришли сказать, что Генрій пріѣхалъ; что входитъ уже къ Вилліаму. Я тебя на минуту оставляю; не могу удержаться, слышу его голосъ!

Сколько случаевъ съ нѣкоторыхъ часовъ!.. Два друга находились во взаимныхъ объятіяхъ, когда я вошла. Не знаю, кто сказалъ Генрію, что это я: онъ бросился къ ногамъ моимъ, благо-

даря

даря меня столь трогающимЪ образомЪ, глядя на меня наполненными глазами слезЪ, такЪ что я сама не могла воздержаться, чтобЪ не заплакать поднимая его. ОнЪ взялЪ меня за руку. „То, что вы видите, сказалЪ онЪ моему батюшкѢ, а по томЪ матушкѢ сЪ нѢжностію, есть ясно; я обожаю Милади Юліету: могуль ожидать вашего на то соизволенія? ... ВотЪ, моя жизнь, сказалЪ онЪ указавЪ на меня; отказЪ приключитЪ мнѢ смерть.„ ВилліамЪ и всѢ, кто тутЪ ни былЪ, всѢ кЪ нему присоединились; я же не смѣла и не могла произнесть ни одного слова. Мать моя обливалась слезами, убѢждая батюшку, которой спросилЪ меня, долженЪ ли онЪ объявить на то свою волю? Я бросилась кЪ нему на шею, и упала передЪ ними на колѢни. Генрій тутЪ былЪ и меня под-

поддержалъ. Мы услышали, что произнесено: будьте щастливы, мои дѣти!... Теперь я уже стала моего Генрія, достойнѣйшаго и самаго добродѣтельнаго человѣка!

Ни что не равняется радости двухъ друзей. Генрій не въ силахъ произнесть двухъ словъ сряду. Душа его возхищенная наполнена щастіемъ! онъ только плачетъ. Юліета твоя пролила довольно слезъ самыхъ пріятныхъ... Я окончаваю письмо, нѣжной другъ мой, вторая душа моя! Сколько мнѣ еще дѣлать осталось! но сколь болѣе еще тебѣ сказать должна! Почто ты не здѣсь? Прими самой сладкой поцѣлуй, самой нѣжной, какого никогда тебѣ не давала благополучная твоя Юліета...

ПИСЬМО

ПИСЬМО 22.

Отъ Бетти къ Юліетѣ.

Изъ Вилсвоода.

Я сообщила все то, о чемъ ты меня увѣдомила, касательно пользы Генрія и щастливой его супруги. Я сказала, что Вилліамъ выздоравливаетъ; меня неотступно спрашиваютъ о подробностяхъ его состоянія. Я бы сама того желала, но съ тобою, мой другъ, надобно догадываться; ибо ты ничего о томъ не упоминаешь въ первой части твоего письма, а сего уже не возможно было во второй означить. И такъ ты нѣсколько виновата передъ моими родителями, а передо мною ни мало; ибо говорить мнѣ о любви Вилліамовой, значитъ сказать, что онъ здоровъ. Я присовокупляю къ полномочію тебѣ данному, естьли ну-

нужно! скажи ему, что я его люблю! доставь ему все щастiе, котораго я ему желаю; онъ того стоитъ, Юлiета; онъ другъ Генрiевъ съ самаго рабячества: можетъ ли онъ не быть съ нимъ сходенъ?

Щастливой другъ! потужи, потужи обо мнѣ; можетъ статься, я не буду у тебя на свадьбѣ. Бабушка моя умираетъ отъ водяной болѣзни и находится въ страданiяхъ продолжительныхъ, но умножающихся съ жестокостiю всеминутно. Докторы объявя, что болѣзнь ея неизлѣчима, надѣются, что еще жизнь ея продлится. Я не желаю, чтобъ сiе скоро случилось; сохрани Боже! Но я очень сожалѣнiя достойна, что нахожуся съ тобою въ разлукѣ въ наилучшее время моей жизни, въ то самое, когда бы видѣла я тебя увѣн-

увѣнчанную любовью и добродѣтелью. Подай мнѣ случай здѣсь наслаждаться всемъ моимъ благополучіемъ. Моя Юліета! пиши ко мнѣ чаще. Скажи Вилліаму, что я не скрываю тягости моей съ нимъ разлуки; что не могу раздѣлить съ нимъ времени, видѣть его, слышать и соотвѣтствовать любви его точнымъ увѣреніемъ того нѣжнаго чувствія, которое онъ въ меня внушилъ. Съ такими любовниками, каковы суть наши, можно признать себя побѣжденными; они никогда не употребятъ ничего во зло. Съ ними чистосердечіе не есть слабость; они то знаютъ, да и сердце мое вѣдаетъ, что ему отвѣтствуютъ. Ты скажешь мнѣ о здоровьѣ его съ подробностію; матушка моя и я того желаемъ. Она препоручаетъ тебѣ сказать о ея совершенномъ безпокойствѣ

и усердіи къ Вилліаму. Она хочетъ писать къ Генрію. Скажи ему, что поздравить невѣсту его то же значитъ, что хвалить его; онъ того достоинъ, и что Бетти сего дня хочетъ писать только лишь къ Юліетѣ. Естьли онъ потребуетъ нѣчто изъ поцѣлуя, которой я къ тебѣ посылаю, то удѣли ему; надобно мнѣ пріучать себя видѣть, что раздѣляетъ онъ сердце, которое мнѣ одной только принадлежало.

ПИСЬМО 23.

Отъ Юліеты къ Бетти.

Изъ Лондона.

Ты получила два письма, которыя наскоро я къ тебѣ писала, любезной другъ мой; это были

ли только свидѣтельства о здоровьѣ. Вилліамъ выѣзжаетъ. Онъ заставилъ меня читать твой отвѣтъ; цѣловалъ его, онъ его приводитъ въ возхищеніе; онъ бы полетѣлъ туда, гдѣ ты, естьлибъ долгъ дружества не удерживалъ; то есть, день свадьбы моей превозмогаетъ надъ любовію къ Бетти. Завтра, завтра судьба моя соединится навѣки съ Генріевою! Къ толикому благоденствію противъ воли моей присоединяется не вѣдаю какой то страхъ, произходящій отъ природной моей застѣнчивости. Размышленіе, а паче присутствіе Генріево, поминутно его истребляютъ; оно опять возрождается, но любовь преодолѣваетъ. Всего лучше, всего сильнѣе чувствую я то, что мнѣ безъ него нельзя быть благополучною. Тебя недостаетъ къ сему благо-

получїю; оно бы было безмѣрно; ты бы со мною его дѣлила, подкрѣпляла бы меня; ты бы меня не покинула, и застѣнчивость была бы слаба между другомъ моимъ и любовникомъ. Мать его премилая женщина; я въ ней нахожу нѣчто превосходное, какъ и въ сынѣ. Она осыпаетъ меня своими благодѣянїями и подарками: корзиники у меня полны уборами, которые ни мало меня не занимаютъ, и брилїянты не малой цѣны. Отгадай, что мнѣ нравится и меня прельщаетъ, что мнѣ подарилъ Генрїй?.. Твой и его портреты въ браслетахъ, а Виллїамовъ въ табакеркѣ. У меня будетъ надѣтъ на рукѣ твой браслетъ, когда поведетъ онъ меня къ Олтарю; взглянувъ на него, онъ увидитъ, что мы вмѣстѣ съ тобою даемъ ему клятву.

Меня

Меня спрашиваютъ безпрестанно: имѣютъ нужду со мною говорить; я бы хотѣла только писать къ Бетти.

ПИСЬМО 24.

Отъ той же къ Бетти.

Письмо мое отправляется уже въ третій день послѣ моей свадьбы, Бетти: оно было должно заключать въ себѣ нѣчто уже степенное; но я всегда твоя Юліета, и когда пишу, сердце мое тебѣ предается. Ставъ болѣе наищастливѣйшею женщиною, нежели удобно изобразить, какъ могу я нѣчто утратить изъ первой моей веселости? Я перемѣнила имя для всего свѣта, но удержала для мужа и тебя, Юліеты; онъ инако меня не называетъ, слѣдовательно посвящаю я его любви и дружбѣ.

Вилліамъ къ тебѣ пишетъ; онъ увѣдомляетъ тебя, что и самое благополучіе имѣетъ свои превратности. Такъ должно, чтобъ оставила я Англію не видавъ тебя? Онъ изъясняетъ тебѣ необходимую нужду, чтобъ Генрій былъ при Версальскомъ Дворѣ. Судьба моя къ его судьбѣ присоединена; я его уже не оставлю. Я отрицаюсь на время отъ родственниковъ моихъ, отъ отечества моего. Я имѣю къ тому твердость, но не видать Бетти, и ѣхать, я отъ того смертельно страдаю! Мы не можемъ долѣе дватцати четырехъ часовъ медлить, и невозможность поспѣшить къ тебѣ, по нещастію уже слишкомъ доказана. Прощай, нѣжной и любезный другъ мой! прощай; я отираю слезы, чтобъ можно было написать еще разъ. Прости!

ПИСЬМО

ПИСЬМО 25.

Отъ Бетти къ Юліетѣ.

Изъ Лондона.

Я съ прискорбіемъ возвратилась, лишась бабушки, и огорчена будучи, что увидѣла тотъ городъ, въ которомъ уже ты не живешь. Такъ, это справедливо Юліета, что одинъ человѣкъ можетъ замѣнить всю вселенную; слабое мое сердце мнѣ то доказываетъ. Я должна была почесть себя въ степи посреди Лондона безъ тебя; я должна была умирать: увидѣлась съ Вилліамомъ, и ожила. Не думай, чтобъ всегда не почитала я, что тебя недостаетъ къ моему благополучію. Оно безъ тебя быть не можетъ. Естьли только могу владѣть тобою, имѣть по меньшей мѣрѣ совѣтъ твой, твой разумъ? ты мнѣ въ томъ не откажешь. Всѣ минуты тво-

твоего свободнаго времени будутъ для Бетти такъ какъ и тѣ наисладчайшія въ моей жизни, въ которыя я къ тебѣ пишу.

Щастіе Генрія сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ душѣ Вилліама; я нахожу его больше размышляющимъ, болѣе чувствительнымъ; то, что я вижу, болѣе мнѣ доказываетъ, нежели что онъ мнѣ говоритъ; кажется, что онъ страшится потерять, естьли не во всемъ подобенъ своему другу. Сіе чувствіе естественно; предпочитаю въ самому себѣ все то, что намъ любезно. Я также страстно желаю тебѣ уподоблятъся. Мы часто видимся; наши бесѣдованія пріятны, нѣжны, и очень нѣжны! Мы полагаемъ щастіе въ наступающемъ союзѣ, и я не скрываю отъ него, что желаніе, которое изъявляетъ онъ, чтобъ предложить объ ономъ своимъ и

мо-

моимъ родственникамъ, крайнѣ мнѣ пріятно. Онъ уже писалъ въ Эссексъ; естьли отвѣтъ благопріятенъ, то потребуетъ меня въ замужство, и я увѣрена, что не встрѣтится никакого препятствія съ стороны матушки моей. Все мнѣ подтверждаетъ, что онъ меня любитъ равно, какъ я люблю его; чего же мнѣ желать осталось, кромѣ тебя?

Очень ли устала ты отъ дороги, и будешь ли столько благоразумна, чтобъ не предаться съ первыхъ дней всѣмъ очарованіямъ Парижа? . . . Увы! ты имѣешь довольно времени насытить твое любопытство; побереги себя, чтобъ тѣмъ наслаждаться; побереги себя для твоей Бетти!

ПИСЬМО 26.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Надобно имѣть сердце каменное, чтобъ разставаясь столь часто съ своимъ другомъ, не претерпѣвать до чрезвычайности. Я не могу привыкнуть не видать тебя, не видать Юліету! Она по крайней мѣрѣ здѣсь оставила мнѣ вторую себя; но я, Генрій, всего лишился! онъ еще ко мнѣ не писалъ. Я прощаю тебѣ, щастливый смертный! наслаждайся, забывай обо мнѣ многіе дни сряду, но чтобъ по крайней мѣрѣ я имѣлъ четверть часа въ недѣлю. Я скоро съ тобою сравнюсь, естьли получу отвѣтъ моихъ родственниковъ, касательно брака моего съ Бетти, котораго я столь много желаю. Какъ я люблю эту преле-

лестную дѣвочку! какъ она хороша! какъ чувствительна! благополучіе мое будетъ точно такое, какъ твое.

Ты зналъ прежде твоего отъѣзда, что Лади Бленгеймъ должна получать свободу; она ее имѣетъ, и пользуется, чтобъ видѣть Артура у Блиндта. Онъ не осмѣливается еще показываться, и безъ сомнѣнія послѣ любви ихъ заняты они тѣмъ, чтобъ Принца обратить къ поступкамъ меньше суровымъ. Она меня сберегаетъ и не гонитъ болѣе; это не мало значитъ. Она порицаетъ при мнѣ Артура, но увѣряетъ меня о его отчаяніи и разкаяніи; было бы дѣйствіе добродушія моего, чтобъ изходатайствовать ему прощеніе у Принца. Я тѣмъ подалъ бы мнѣніе, превосходящее неустрашимость и великодушіе, которое уже я показалъ. Тонкость

хва-

хвалы, прозьбы, она все употребляетъ. Я ей отвѣчаю, что сего довольно, естьли она того желаетъ, чтобъ я болѣе о томъ не помнилъ, и что я поговорю Принцу при ней самой, естьли она хочетъ. Она очень скоро мнѣ говоритъ: нѣтъ. Я не хочу произносить имя Артура; я желаю прощеніемъ его быть обязана твоему благодѣянію, и все тутъ; я могу однакожъ его у себя принимать, а ты не имѣй подозрѣнія. Почтеніе твое къ Принцу, а болѣе того любовь къ Лади Бетти, увѣряютъ меня, что Вилліамъ ревновать не станетъ. Гдѣ эта проклятая женщина могла провѣдать мою тайну? Не показывай Юліетѣ въ письмѣ моемъ то, чтобъ могло ее встревожить; она будетъ страшиться этой злодѣйки для своего друга.

Вседневная моя должность состоитъ въ нѣсколькихъ часахъ пребыванія у Принца; а что за тѣмъ остается, для Бетти. Она очень грyститъ, не видя Юліеты. Прискорбность ея столь трогающа, что я сомнѣваюсь, не лучшель я ее люблю нѣсколько огорченную, нежели веселую и живую, какъ ты самъ ее видалъ; она тѣмъ больше меня трогаетъ. Тысячу тысячь словъ скажи отъ глубины сердца моего любезному товарищу Генріеву.

Я посылаю къ тебѣ то, чего не могъ ты выразумѣть въ производствѣ развода Милади Блоотъ, оной добродѣтельной, чувствительной и щастливой женщины, для которой сами мущины принимаютъ участіе: отверженіе адвоката Флаксена, его сопротивника, которой защищалъ только

ко, какъ ты знаешь, раздробляя дѣло и предлагая неудобь возможныя окончанія. Слѣдовательно сіи господа непорядочную и запутанную связь законовъ варварскаго вѣка открываютъ предъ глазами просвѣщенныхъ Судей во дни здраваго разсудка, выдаютъ бредъ сужденія за нѣчто священное; ибо оно произходитъ отъ безконечности времени для самаго сужденія. Наигрубѣйшія поношенія, самое жестокое обращеніе, срамъ, публичное безчестіе, которыя мужъ оказалъ бы злощастной женѣ своей, останутся безъ наказанія, не будутъ выслушаны, уничтожены, потому что нещастная, принося жалобу, нарушила обрядъ. Э, государи мои! я бы могъ присовѣтовать женамъ перестать имѣть попеченіе о пріобрѣтеніи дарованій и пріятностей, составляющихъ вожделѣніе жизни нашей;

шей; не трудиться съ младенчества, какъ только въ вымышленіи оборонительнаго оружія противу мужа властителя, закономъ ей даннаго. Такъ, я бы присовѣтовалъ имъ сооружать въ пещерахъ ухищреніе, которому даемъ мы изящное наименованіе ученія; онѣ бы не учинили ошибки нѣкоторой знаменитой Герцогини, которая, получа отъ мужа своего пощочины, побѣжала къ Шерифу принесть жалобу, не имѣя другихъ свидѣтелей, кромѣ разбитыхъ прекрасныхъ щокъ своихъ. Онѣ бы надавали сами мужьямъ своимъ пощочины, естьли бы не вѣдали, что сіе противно правосудію; и не стали бы ходить внутри дома своего, не имѣя при себѣ двухъ свидѣтелей.

Та, которую я защищаю, государи мои, имѣетъ дватцать пять неоспоримыхъ, но неслыхан-

ханныхъ доказательствъ, и сто свидѣтелей представить противъ своего мужа. Мой сопротивникъ думаетъ, что не о сихъ жестокостяхъ Правосудіе должно имѣть попеченіе въ сей тяжбѣ, но просто о формѣ, по какой оныя представлены. Какъ! потому что нещастливая жена, возклицающая ко Правосудію, но неимѣющая голоса нѣкоторыхъ родственниковъ равнаго съ нею прозвища, то ея голосъ не можетъ быть внятенъ? Но естьли родственники секты жестокосердія, несоболѣзнованія, которую произвелъ у насъ Кромвель, имѣютъ въ правилѣ закона ихъ, никогда не подкрѣплять женщину, самую притомъ ближайшую ихъ родственницу, при разводѣ необходимомъ: то-сія женщина, сія родственница будетъ отвергнута стопами Правосудія, къ ко-

которымъ она повергается? Нѣтъ, государи мои, Правосудіе не таково слѣпо, какъ предразсудокъ: оно разторгаетъ мечемъ своимъ нещастныя узы притѣсненной жены, и рука, держащая вѣсы, склоняется къ сторонѣ соболѣзнованія.

Наконецъ, государи мои, потщимся изыскать необычайное какое на примѣръ преступленіе между чадами человѣческими. Да будетъ для васъ невозможнымъ быть равнодушными судіями сего законопреступнаго злодѣянія. Вы изобрѣтаете новыя казни. Самой волнующійся между вами, государи мои, подаетъ мнѣніе свое къ заключенію сего чудовища въ желѣзную клѣтку, куда сажаютъ свирѣпствующихъ сумасбродовъ, и кормить его для продолженія его мученія. Онъ безъ сомнѣнія станетъ защищать-

ся, и держа въ одной рукѣ хлѣбъ, другою съ твердостію отражать своего непріятеля; онъ будетъ жить, но со страданіемъ. Вы бы увидѣли тѣло его изорванное въ куски, кровь его багрящуюся подъ зубами его непріятеля, и сей злодѣй не могъ бы издохнуть въ мученіяхъ, которыя бы при глазахъ вашихъ вседневно умножались. Никогда, государи мои, не опредѣлили бы вы такого рода наказанія; а нынѣ могли вы, какъ жестокость того требуетъ, отдать неповинную жену въ домъ разъяреннаго мужа, котораго явное противу его защищеніе учинило болѣе неукротимымъ. Разумные никогда не опредѣлятъ на земли адскихъ мученій.

Сей защитникъ, котораго ты любишь, выигралъ тяжбу; я первой его обнялъ за себя и за тебя.

ПИСЬМО

ПИСЬМО 27.

Отъ Бетти къ Юліетѣ.

Изъ Лондона.

Я получила два письма отъ тебя, мой сердечной другъ; какое удовольствіе, какую радость они во мнѣ произвели! Увѣреніе, которое ты мнѣ дѣлаешь, чтобъ отдать мнѣ всѣ минуты твоего свободнаго времени, возносятъ меня до небесъ. Много намъ говорить надобно, въ томъ числѣ и нѣчто важное. Отвѣтъ изъ Эксекса благопріятенъ. Мать Вилліамова хочетъ меня видѣть, чтобъ узнать прежде, нежели объявитъ свое соизволеніе; которую ожидаемъ мы съ нетерпѣливостію. Я опасаюсь затрудненія въ разсужденіи моего приданаго; оно очень не велико. Братъ мой во всемъ имѣніи наслѣдникъ, и бабушка при смер-

ти все ему отказала, а мнѣ только достался бриліянтъ въ тысячу гиней; я бы желала, чтобъ не былъ онъ проданъ: мнѣ хочется подарить его Вилліаму, чтобъ сдѣлалъ онъ изъ него запонку къ галстуку; я бы убрала его всего Голгондскими каменьями, естьлибъ была въ силахъ. Находишь ли ты, что мнѣ не чево опасаться съ стороны разсужденія будущей моей свекрови? Вилліамъ въ томъ меня увѣряетъ чрезъ сдѣланное о свойствахъ ея описаніе; онъ мнѣ читалъ, что она къ нему пишетъ; я краснѣлась, онъ держалъ меня за руку, и принудилъ слушать сильнѣйшее изъясненіе, какова онъ никогда не дѣлалъ. Онъ называлъ меня своею женушкою, да чуть что и не правдуль говорилъ. Онъ пріучаетъ меня видѣть въ немъ моего мужа и не сомнѣваться

ваться въ любовникѣ. Я бранила его вчерась, что онъ цѣлой день со мною не видался; извиненіемъ поставилъ онъ то, что нечаянная должность заставила его пробыть во дворцѣ. Онъ часто видается съ Лади Бленттеимъ, сею извѣстною женщиною. Я ему пеняю; онъ увѣряетъ, что иначе съ нею не видится, какъ когда беретъ его съ собою къ ней Принцъ. Съ нечестивыми развращаются, а съ женщиною, лишенною чести и вѣроломною, безвозвратно погибаютъ.

Артуръ показался; онъ здѣсь гремитъ именемъ своимъ и богатствомъ: хорошіе домы для него заперты. Я дрожу, чтобъ онъ не встрѣтился съ Вилліамомъ; онъ меня ободряетъ, когда я о томъ говорю ему, и обнадеживаетъ, что все между ими совершенно поправлено; что Артуръ

просилъ у него извиненія. Онъ меня не обманываетъ; я полагаюсь на его честность и любовь.

Я не выѣзжаю со двора; матушка очень больна. Я прилагаю объ ней попеченія, которыхъ она достойна, и ожидаю цѣлой день Вилліама. Любовь моя важное для меня дѣло, и упражненіе моей жизни. Ты видишь, что писавъ къ тебѣ, къ тебѣ, моему искреннему другу, говорю только лишь объ моемъ любовникѣ; не для того, чтобъ чувствованіе мое къ тебѣ не было нѣжнѣе и сильнѣе, нежели ты воображать можешь, но имя Вилліамово упадаетъ съ пера моего.

Я желаю тебѣ доброй ночи, моя Юліета, и хочу ложиться спать: уже три часа по полуночи; по пробужденіи ты будешь моя первая или вторая мысль.

ПИСЬМО

ПИСЬМО 28.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Естьли наши вкусы непродолжительны, Генрій, то вкусы сего Принца подобны молніи. Мой начинаетъ уже зевать посреди Пальмальскаго двора, и любовница усугубляетъ старанія, чтобъ разогнать любовной сонъ; но глаза смыкаются. Онъ водилъ меня на новое и вертопрашное веселье, которое неспособно къ удовольствію чувствъ и сердца. Компанія разпутности состояла изъ двѣнатцати человѣкъ: шесть нимфъ самыхъ проворныхъ, четверо вертопраховъ, Принцъ и я, въ то же число помѣщены. Естьлибъ онъ только возпрепятствовалъ мнѣ быть у Бетти, ты бы обо мнѣ пожалѣлъ; но надлежало проступиться противу

самой Бетти; ты меня обвинять станешь. Я боюсь посмѣшища, а сдѣлал проступок. Он мнѣ признался, что гораздо меньше любил сих дѣвок, нежели Лади Блентгеим, но что она выводит его из терпѣнія, приступая к нему, чтоб дозволил ей принимать у себя Артура. Он спрашивал меня, любовь ли тому причиною, или родство, как она сказывала, которое придавали ей столько живости, говоря об нем. Я не хотѣл открыться; оставляю времени и неосторожности сдѣлать то, чего я себѣ не позволяю, но что бы я может статься исполнить был должен.

Матушка моя возхищается от Бетти. Приданое не может быть преградою, не того требуется, чтоб я стал богатѣе, но чтоб был щастлив.

Вот

Вотъ ея разсужденія; они совершенно согласны съ моею любовью, съ желаніемъ моимъ обладать Беттіею и составить ея щастіе. Она меня любитъ, такъ какъ любимъ ты, съ тѣмъ преимущественнымъ чувствованіемъ, съ столь лестнымъ, трогающимъ и пріятнымъ. У Бетти возходило бы оно до преизящности въ довѣренности ко мнѣ, естьли бы добродѣтель, управляющая сердцемъ ея, не владычествовала въ нашихъ свиданіяхъ; естьлибъ мое почтеніе не удерживало часто излишно дерзновенную мою руку. Она будетъ моею женою! требованіе сдѣлано, получено; она принадлежитъ мнѣ! Матеріи для платья выбираются, бриліянты куплены; ожидаютъ только дяди и выздоровленія матери, которая въ опасномъ состояніи. Бетти хочетъ, чтобъ она сама при-

 гла-

гласила тебя и твою Юліету на свою свадьбу; ты можетъ статься знаешь о всѣхъ сообщаемыхъ мною подробностяхъ; ибо переписка двухъ друзей неотяготительна Но я къ тебѣ пишу до ненасытимости, для того, чтобъ продлить удовольствіе. Прощай!

Доброй поцѣлуй Юліетѣ....

ПИСЬМО 29.

Отъ Бетти къ Юліетѣ.

Изъ Лондона.

» Достигать столь близко щастія, и видѣть себя въ горести, вотъ картина моего состоянія!.. Матери моей, нѣжной моей матери уже нѣтъ на свѣтѣ! смерть похитила ее отъ меня, и облекла въ трауръ въ то самое время, когда тѣмъ лишь зани-

нимались, чтобъ усыпать цвѣтами путь ведущій меня къ Олтарю. Я тебѣ сказывала, что имѣла предчувствіе, но ты меня обнадеживала. Вотъ теперь я одна, далеко отъ тебя, въ домѣ, возпоминающемъ мою потерю. Братъ мой отсутствуенъ уже четыре года, и какъ бы пропадшій въ путешествіяхъ. Всѣ стремленія мои тѣ, чтобъ броситься къ тебѣ въ руки, и естьли не осмѣлюсь я сказать къ Вилліаму, то могу гораздо меньше то изполнить. Онъ привязанъ къ здѣшнему мѣсту; онъ жизнь моя, я имъ живу! Его мать почти заступаетъ мнѣ мѣсто моей; она меня утѣшаетъ, и я, находясь между ею и сыномъ ея, меньше сщущаю свое нещастіе. Будучи съ нимъ однимъ, онъ услаждаетъ мою горесть. Такъ любовь должна управлять всѣми мо-

моими чувствованіями? Я стыжусь того, но ощущаю. Позволь мнѣ предать тебѣ всю скорбь мою, и оставшись наединѣ, пролить токи слезъ, которыми должна я моей матери. Я обнимаю тебя, любезной, нѣжнѣйшій другъ мой, изъ глубины сердца, разтерваннаго печаліею и твоимъ отсутствіемъ!

ПИСЬМО 30.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Ты меня бранишь, и дѣлаешь хорошо, Генрій: я того достоинъ; не опасайся слѣдствій провожденія времени нашего съ дѣвками. Можетъ статься, другъ мой! должно было мнѣ сіе учинить однова во всю жизнь, чтобъ болѣе никогда того не дѣлать.

Какъ

Какъ ты хочешь, чтобъ я вдругъ прервалъ, оставилъ бы мое мѣсто и Принца? Не былъ ли онъ у моей матери? Не вскружилъ ли онъ ей голову увѣреніями о дружествѣ его къ ней? Не открылъ ли онъ передъ нею пространное поле славы, къ которой хочетъ самъ мнѣ руководствовать?

Наконецъ не будетъ ли онъ Королемъ? онъ меня любитъ, Генрій; я не могу въ томъ сомнѣваться: онъ меня уважаетъ, ты тому не повѣришь? Вы, умствователи, страшитесь наималѣйшаго къ бѣдѣ наклоненія; вы трепещете ступить ногою и поскользнуться. Здѣсь мы катаемся съ крутой горы въ пропасть; и когда изъ оной вылѣзаемъ, то говорятъ объ насъ просто, что мы были немного вѣтрены, нѣсколько молоды. Не воображай себѣ, чтобъ я, снизходя пороку, без-

безумно оному предался: другъ мой! я его столько же опасаюсь, какъ и посмѣянія. Бетти моя охранительница, отвѣтчица за меня; она въ огорченіи, но всегда равно мила и трогающа до безконечности.

Новое безпокойство: отъѣздъ матушки моей въ Эссекскія ея маетности, требующія непремѣннаго ея тамъ присутствія; плутъ управитель привелъ ее въ убытокъ, сдѣлавшись на знатную сумму банкрутомъ. Она предлагала Бетти взять ее съ собою, чтобъ нѣсколько разсѣять печаль ея; но она поставляетъ въ предлогъ пріѣздъ ея брата, а въ самомъ дѣлѣ не осмѣлится сказать, что не хочется ей меня оставить. Полугодовой трауръ удерживаетъ благополучную минуту, которой я уже касался; сожалѣй

лѣй обо мнѣ, потому что я очень люблю!

Я послѣдовалъ твоему совѣту: изъ трехъ веселыхъ бесѣдъ, которыя мнѣ Принцъ предлагалъ, я отъ двухъ отговорился; та, въ которой надлежало мнѣ быть, показалась мнѣ гораздо гнуснѣе первой; отвращеніе сдѣлало бы то, чтобъ изполнила добродѣтель. Тысячу нѣжностей Юліетѣ! я посылаю черезъ тебя къ ней поцѣлуй; не удержи его.

ПИСЬМО 31.

Отъ Бетти къ Юліетѣ.

Изъ Лондона.

Не сказывай и Генрію, что я получила отъ него и отъ тебя прекрасные подарки; не произноси сего дня моего имени, и про-

прочтя письмо, не читай еще, сожги сіе ужасное письмо! Я себя погубила, или по меньшей мѣрѣ таковою бы почиталась въ разсужденіи другова, а не Вилліама: онъ еще не былъ моимъ мужемъ.... что я сдѣлала! и едва минуло два мѣсяца послѣ кончины матери моей. Меня простить не возможно; я ли это о себѣ говорю? Ты не вѣришь: ты бы повѣрила, естьлибъ видѣла мое отчаяніе. Совершенность моего нещастія въ томъ состоитъ, въ томъ, что не могу я обвинять Вилліама. Мнѣ кажется, что всѣ чувства мои согласно съ сердцемъ моимъ требовали, чтобъ я была побѣждена; и что я подлинно одна виновата: онъ однако же и себя не оправдываетъ. Я видѣла слезы его смѣшанныя съ моими. Имя супруга, а наипаче супруги въ устахъ его, когда

да онѣ меня подкрѣпляетъ, нѣсколько успокоеваютъ меня. Но не будучи съ нимъ вмѣстѣ, я вижу проступокъ въ моей слабости. Я себя наказываю, писавъ къ тебѣ. Думаешъ ли ты, чтобъ я въ тотъ же самой день къ тебѣ пишу? Нѣтъ, Юліета, уже четыре дни я того не осмѣлилась сдѣлать. О другъ мой! почто ты близко меня не была? Я бы попросила тебя надзирать надъ моимъ сердцемъ слишкомъ нѣжнымъ, слишкомъ легковѣрнымъ, чтобъ видѣть любовника своего страждущаго; ты бы меня подкрѣпила, и я бы была тебя достойна. Не оставь меня, Юліета, не отвергни меня отъ сердца твоего; я въ него скрываюсь. Естьли ты меня презираешь, не сказывай мнѣ о томъ; помилуй жалости и соболѣзнованія достойнаго твоего друга!

И ПИСЬ-

ПИСЬМО 32.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Заговоръ, которой давно Лади Бленгеимъ съ Артуромъ соплетаютъ, долженъ былъ погубить меня. Она обвиняла меня, что я шпіонъ, и надѣялась, что не доказавъ того, Его Свѣтлость помаленьку отъ меня отдѣлается. Онъ конечно презираетъ таковое мнѣніе, и вѣдаетъ несправедливость обвиненія; ибо не говоритъ мнѣ о томъ уже восемь дней, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ извѣстенъ. Онъ продолжаетъ обходиться со мною съ милостію и съ тѣмъ откровеніемъ, которое не совмѣстно съ недовѣрчивостію. Примѣчай, Генрій, естьли можешь, что нѣкоторая вольность въ правилахъ столько же служитъ намъ, сколь-

ко и благоразуміе. Хорошенькая служанка, измѣняющая тайнѣ своей госпожи, изъ благодарности за ту честь, которую оказалъ я ей, унизя себя передъ ея прелестями, т. е. горсть гвиней и два поцѣлуя, доставили мнѣ все свѣденіе.

Согласіе, въ которомъ я нахожусь съ Принцомъ, доставили мнѣ случай вблизи и часто видѣть прелесть, передъ которою тотчасъ глаза потупляются и приходятъ въ почтительное положеніе, и для котораго желаніе едвали осмѣливается основаться внутри сердца: женщина, которой самыя милости, пріятность, красота, свободное обращеніе, вселяютъ много страха съ немногою любовію. Я почиталъ мысли мои и чувствованія непроницаемыми; ея же состояніе имѣетъ нужное искусство угадывать и предускорять: она

мнѣ сама сказала, что я ее любълю. Устрашась, я запирался. Повелѣніе не таиться, признаніе, что я умѣлъ понравиться, препорученіе тайности, средства къ свиданію, врученіе себя, рѣдкое удовольствіе, и щастіе, которому я едва осмѣливаюсь вѣрить, ввѣряя тебѣ одному моему другу и для одного тебя на свѣтѣ... Ты можетъ статься ужаснешься о слѣдствіяхъ, и будешь порицать мое дерзновеніе; но нѣтъ опасности въ томъ, что я къ тебѣ пишу; курьеръ твой собственный, которой повезетъ мое письмо; оно зашито при мнѣ въ подкладку его камзола, и написано цыфрами, отъ которыхъ мы съ тобою только ключь имѣемь. Прощай!

ПИСЬМО 33.

Отъ Генрія къ Вилліаму.

Изъ Парижа.

Твое послѣднее письмо превращено въ пепелъ, а тайна твоя внутри моего сердца. Я не позволяю себѣ никакого пристрастнаго размышленія: тебѣ остается со всякою прилѣжностію оное изполнить. Довольно тебѣ знать, что проницаютъ то, что осторожность думаетъ сокрыть, и что страхъ Генріевъ основанъ на опытности, которую имѣетъ онъ о Дворѣ, и на слѣпой довѣренности Вилліама. Есть ему для чего трепетать.

Свадьба твоя, отложенная на четыре мѣсяца, мать твоя удалившаяся до сего времени, Бетти одна въ домѣ, гдѣ все питаетъ тоску ея; опасность новой интриги, наконецъ какая

причина сильнѣе должна принудить тебя упросить матушку твою привезти Бетти во Францію ко мнѣ, ко времени назначенному для свадьбы, да еще и прежде? Подъ видомъ нужныхъ пріуготовленій, ты и самъ также пріѣзжай. Ты понимаешь всю важность сего разположенія, и сколько легко оное изполнить. Сіе нужно; убѣгай Двора, я отъ тебя того требую властію дружбы.

Юліета станетъ тебя обожать, естьли ты пришлешь къ ней ея друга; она не въ силахъ сносить съ нею разлуки, и нѣсколько уже дней примѣчаю, что я одинъ для нее недостаточенъ: доставимъ ей сіе щастіе, Вилліамъ; учреди все къ отъѣзду, и разположи къ тому матушку свою; увѣрь ее, увѣрь, что ты ничего для Юліеты и меня пріятнѣе

ятнѣе сего не можешь сдѣлать. Я тебя обнимаю и жду.

ПИСЬМО 34.

Отъ Бетти къ Юліетѣ.

Изъ Лондона.

Все, что ты мнѣ говоришь, Юліета; меня трогаетъ, но не успокоеваетъ: ты думаешь защитить меня отъ посрамленія чрезъ случай наступающаго моего брака. Никто о томъ знать не будетъ, говоришь ты; но я сама вѣдаю. Моглаль я то думать когда нибудь, чтобъ трепетала при приближеніи Вилліама, чтобъ дрожала я слыша, какъ произноситъ онъ самыя нѣжныя названія и изливаетъ на меня ласки и любовь?.. Я мертва къ радости и благополучію съ тѣхъ поръ, какъ учинила первую проступку. Я

оному предалась, и уже не принадлежу сама себѣ, и не имѣю права защищать сего; уже можно меня унизить, я невольница, которую хотятъ имѣть своею женою. То, что я пишу къ тебѣ, не есть размышленія мнѣ представляющіяся, но то, что ощущаю я во всѣ минуты тяжкаго бытія моего. Кажется мнѣ, что все соединяется, дабы меня мучить. Я не примѣчала о нѣкоторомъ нерадѣніи Вилліама; часто я очень страшусь, чтобъ не пришолъ онъ, и письмо, присланное отъ него, гдѣ изъясняетъ онъ невозможность меня видѣть, заставляетъ меня свободнѣе дышать. Меня увѣдомляютъ, что онъ у ногъ знатной госпожи, которой онъ много пожертвовалъ; что онъ бездѣльникъ, соблазнитель. Я бы могла ему повѣрить, естьли бы могла оправдывать себя; но я столь-

столько же, какъ и онъ, виновата. Естьли онъ мною пожертвуетъ, тогда пріумножится еще укоряющій проступокъ; я буду носить бремя заслуженной вины, которую никогда не прощу себѣ. Письмо безъ имени, почеркъ подделанный; злодѣй пишетъ лѣвою рукою, а клевета не подписываетъ своего имени. Я отказываюсь тому повѣрить, однакожъ прилѣжнѣе разсуждая, вѣроятнымъ нахожу то, что онъ рѣже со мною видится, даже что не печется обо мнѣ, что онъ сталъ холоднѣе; но можетъ статься, что видя упорство мое предаваться его ласкамъ, не хочетъ онъ во зло употребить правъ своихъ надо мною; ибо я не умѣю притворяться, и веселость, которую являю, неестественна. Можетъ статься и то, что легкомысліе мое возхитило пріятность же-

ланій, и что нынѣ уже любовь его погашена слезами моими; но лучше его лишиться, лучше умереть, нежели дерзнуть на преступленіе, и принудить языкъ мой ко лжи и сердце къ притворству въ такомъ чувствованіи, коего я не ощущаю. Я люблю Вилліама, но со учиненія моего проступка чувствую, что я для него онаго не исполню; что онъ возтревожитъ меня напавъ на меня, и что обрѣтая его болѣе себя виноватымъ, никогда не прощу его.

Я открываю тебѣ мое сердце, любезный другъ! ты въ немъ видишь, какъ я сама. Ты добродѣтельна, а я уже нѣтъ! подавай мнѣ совѣты; люби меня Юліета такъ, какъ бы ты почитала меня; или буду гнушаться жизнію.

ПИСЬМО

ПИСЬМО 35.

Отъ той же къ Юлїетѣ.

Изъ Лондона.

Что ты подумаешь, другъ мой, о томъ, о чемъ я тебя увѣдомлю? Я съ ума схожу. Вчерась ввечеру, не предувѣдомя меня, не изпрося дозволенія, Виллїамъ привелъ ко мнѣ Принца, представилъ его мнѣ, и предалъ меня его взглядамъ, вопросамъ вѣтренности. Весьма замѣшена моею ролью, какъ ты можешь себѣ вообразить, я заключила себя въ почтеніи подобающемъ его чину, и показала ему, что и сама себя по крайней мѣрѣ почитать умѣю. Я не могу припомнить, какой предлогъ поставилъ онъ къ посѣщенію меня. Онъ говорилъ мнѣ довольно пространное привѣтствіе, но сіе не касалось ни кончины моей матери,

ри, ни свадьбы моей, Онъ повторялъ мнѣ, что красота моя превозходитъ слишкомъ то, что ему сказывалъ Вилліамъ, что онъ возхищается щастіемъ, что можетъ оказать мнѣ свою преданность, продолжая выхвалять глаза мои, прелести, и что убивало меня и обижало. Вилліамъ не примѣчалъ, что я мучилась, и подтверждалъ сказанное Принцомъ, превознося то, что онъ выхвалялъ. Я на него смотрѣла, онъ меня не разумѣлъ; видно, что они подгуляли. Никогда не было наговорено столько много вещей, не вѣдая, что было сказано. Впрочемъ намѣреніе, привесть Принца ко мнѣ, не могло войти, какъ только въ голову разогрѣтую виномъ. Надлежало силою дать поцѣловать руку, и при концѣ сего произшествія позволить, чтобъ по-

сѣщеніе было не послѣднее. Вилліамъ за нимъ послѣдовалъ. Знать, что я его сего дня не увижу. Я пишу къ тебѣ въ моей досадѣ, и не вѣдаю, будуль я имѣть ея столько, чтобъ показать, сколь много онъ меня обидѣлъ. Ты чувствуешь Юліета, а я еще горестнѣе чувствую, сколь много я дала надъ собою власти! Сколько я себя унизила!... увы! любовникъ мой также то знаетъ; ибо поступаетъ со мною столь неуважительно, столь неосторожно. Не ужель я столько нещастна, что лишилась всѣхъ правъ моихъ на его ко мнѣ почтеніе, а можетъ и любви его? Часто я буду повторять, что я сдѣлала, но никогда не могу себя утѣшить. Видишь, могуль я простить себѣ; ты благополучна, я возмущаю жизнь твою: я одна виновна, а ты равно со мною на-

ка

казана. Я не хочу, чтобъ ты больше сохраняла мою тайну; скажи объ ней твоему мужу; онъ долженъ видѣть тебя въ огорченіи. естьли ты молчать станешь, то онъ почтетъ себя того виною; ты лишишъ его щастія, котораго онъ достоинъ, которымъ ты должна ему. Генрій благоразуменъ; скажи ему, онъ тебѣ поможетъ руководствовать мною, и я, подкрѣпленная обѣими вами, я не совсѣмъ погибну.

Прощай, мой достойный другъ! Я пишу къ Вилліаму, а по томъ во всю ночь проплачу.

ПИСЬМО 36.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Какъ! ты обо мнѣ сожалѣешь, Генрій? развѣ это бѣда, что я пред-

представилЪ Принца Бетти? и какихЪ ты изЪ того опасаешься слѣдствій, хотя бы то и вина была? Развѣ она не властна не впустить его кЪ себѣ? ВпрочемЪ онЪ клялся мнѣ, что сохранитЪ тайну. Она будетЪ совершенно скрыта; я тебѣ за это отвѣчаю. Бетти сперва нѣсколько изумилась, назавтрѣе немного разсердилась, но все поправлено. Ни о чемЪ другомЪ нѣтЪ рѣчи, какЪ о томЪ, что ты предлагалЪ. ОтвѣтЪ матери моей не опредѣляетЪ времени отъѣзда; дѣла ея могутЪ больше или меньше продолжиться. Ты знаешь, что трудно перемѣнить первое предположеніе вЪ мысляхЪ немолодаго человѣка. Она не хотѣла прежде сюда возвратиться для нашей свадьбы, какЪ по окончаніи траура. Намѣреніе немедленно ѣхать, нѣсколько ей противно, но

она

она согласится; она меня любитъ, и я настою крѣпко, соображаясь съ тою надобностію, которую ты мнѣ доказалъ.

Я до крайности пользуюсь, и гораздо осмотрительнѣе, нежели ты можешь вообразить.

Лади Бленгеймъ лишилась своего Артура, и почитаютъ всегда меня того виною. Я изо всей силы стараюсь увѣрить ее, что всячески о томъ стараюсь; она совсѣмъ тому не вѣритъ, и смертельно меня ненавидитъ.

Находясь въ милости, могу все дѣлать, и естьли только вымолвлю слово, то заставлю ее вертѣться.

Тысячу ласкъ Юліетѣ! увѣрь ее, что я всегда болѣе люблю ее Бетти, и что я увижу ее, какъ скоро матушка моя пріѣдетъ. Что до тебя, Генрій, ты всегда другъ моего сердца!

ПИСЬМО

ПИСЬМО 37.

Отъ Бетти къ Юліетѣ.

Изъ Лондона.

Я очень нещастлива! .. Вилліамъ осмѣливается мнѣ сказать, что ему жалобы мои досадны, а еще досаднѣе то, что не приняли Принца два раза въ двѣ недѣли; онъ думаетъ, что онъ къ нему перемѣнится, что я изпровергаю его случай и щастіе. Доказательства мои его не убѣждаютъ, кротость моя не возвращаетъ его и слезы мои мало его трогаютъ. Онъ желаетъ, чтобъ я отворила дверь его другу какъ самому ему; онъ хочетъ, повелѣваетъ: я повинуюсь. Надлежалоль то или нѣтъ, ты о томъ разсудишь; но поистиннѣ Вилліамъ тщетно впредь о томъ повелѣвать будетъ. И такъ должно было увидѣть опять Принца,

й наединѢ слышать съ похвалами смѢшенные почтительные упреки, обѢщанія впредь милостей, когда узнаю я его чувствованія. Наконецъ открыться и осмѢлиться сдѢлать объявленіе о любви, въ которой уже онъ болѢе не властенъ, устрашась толикой дерзости, но тысячу разъ болѢе гнушаясь соучастія въ томъ Вилліамова. Я удержала его однимъ словомъ: я благородная дѢвка, сговоренная за вашего друга; естьли вы о томъ знаете, то обѢихъ насъ обижаете; естьли же не вѢдаете, то я вамъ о томъ сказываю. . . „Я встала со стула, и оборотясь къ нему спиною, заперлась въ будуаръ. Увидя, что онъ сѢлъ въ карету, я возобновила у воротъ приказаніе, а по томъ прибавила въ негодованіи моемъ, чтобъ и Вилліама ко мнѢ не отпускать. Я терзаю свое сердце;

це; но честь превозможетъ надъ любовью уподляющею меня, которая мнѣ измѣнила и предала меня. Я сей часъ отъѣзжаю въ деревню къ брату моему; ты и Генрій только будете знать, что я тамъ нахожусь. Я должна скрываться; подозрѣніе мое вѣроятно. . . я стала матерью. Сіе новое злоключеніе (ибо оно есть таково конечно) препятствуетъ мнѣ спасти себя въ твоихъ объятіяхъ.

Дневной свѣтъ уже не мнѣ принадлежитъ; я хочу погребсти себя. Нѣтъ! никогда тотъ, которой могъ мнѣ сдѣлать нарушеніе, которой могъ столь легкомысленно свою и мою честь предать опасности, не будетъ моимъ мужемъ. . . Я умѣю умереть, Юліета, но не умѣю снести посрамленія. Напослѣдокъ я чувствую болѣе добродѣтели, нежели любви.

я рѣшилась; намѣреніе мое непреложно: я никогда Вилліамовою не буду! Ты можешь его о томъ увѣдомить; ибо я отъѣзжаю, не оставляя ни одного слова моей руки, она никогда имени моего уже не напишетъ; я опредѣляю ее на пресѣченіе моихъ злополучій, когда можно будетъ мнѣ разполагать моею жизнію. Сохранить еще должно ее для твари, которая безъ сомнѣнія нѣкогда сожалѣть будетъ о моей нерѣшимости надъ нею, и надъ жестокою моею жалостію. Но я мать. . . .

Я буду въ Киндалѣ, когда ты сіе письмо читать станешь. Прощай! сожалѣй обо мнѣ, и не обвиняй меня, естьли возможно. Помни всегда, что ты одна на земли для меня осталась съ добродушнымъ Генріемъ.

ПИСЬМО

ПИСЬМО 38.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Я очень виноватъ, Генрій, и ты безъ сомнѣнія уже меня обвиняешь. Бетти меня убѣгающая въ рукахъ Юліеты; ея причины меня возненавидѣть столь сильно и ясно изображены, что извиненія мои и искреннее раскаяніе не могутъ ничего произвесть въ мысляхъ и въ сердцахъ вашихъ. Прочтя прежде, нежели отдашь ей письмо здѣсь включенное, употреби все, что можешь, къ моему оправданію; или по меньшей мѣрѣ изходатайствуй мнѣ снизхожденіе. Я всего ожидаю отъ твоего дружества и отъ милости Юліеты.

Принцъ, котораго увѣдомилъ я о побѣгѣ Бетти, не удостоилъ меня отвѣта; онъ, взглянувъ на

меня видомъ сказующимъ: ты плутъ! и повергнулся ко мнѣ спиною. Онъ конечно думаетъ, что по моему приказанію, чтобъ укрыть ее отъ его гоненій, она удалилася, и что я лгу. Уже два дни онъ со мною не говоритъ. Всѣ то примѣчаютъ, и Лади Бленгеймъ торжествуетъ.

Вотъ первое наказаніе за мою слѣпую довѣренность и честолюбіе; не думай, чтобъ я когда либо помышлялъ пожертвовать Бетти. Нѣтъ! я почиталъ ее моею; она была моя супруга; я зналъ ея добродѣтель; я хотѣлъ, чтобъ она участвовала мнѣ въ угожденіи всего, что могло быть пріятно Принцу; чтобъ раздѣляла она со мною щастіе и блистательность; чтобъ ей не казалось чуднымъ, что жена моя принимаетъ у себя моего друга. Принцъ по видимому во зло упо-

требилъ мое легковѣріе; она конечно была обижена. Но она не должна обвинять меня, входя въ точность моего намѣренія. Я говорю тебѣ правду, Генрій! ты отдаешь мнѣ справедливость; постарайся, чтобъ и она мнѣ оную отдала. Я ожидаю твоего отвѣта съ нетерпѣливостію виноватаго, которой можетъ надѣяться помилованія. Прощай!

ПИСЬМО 39.

Отъ Юліеты къ Генрію, ея мужу.

Изъ Киндаля.

По пріѣздѣ въ Киндаль, другъ мой! я спрашиваю Бетти; ея не видали и не слыхали объ ней. Я приказываю себѣ повторять о томъ двадцать разъ, и думаю

всегда, что она нарочно приказала говорить неправду. Уже было поздо. Я сказываю, что хочу препровесть ночь въ замкѣ. Мнѣ отводятъ наилучшій покой; людямъ моимъ дозволяютъ выбирать лучшія комнаты и пробѣгать весь домъ. Я призываю къ себѣ надзирательницу замка; приступаю къ ней, читаю ей, что въ письмѣ отъ Бетти написано; что она въ такой-то день отъѣзжаетъ изъ Лондона въ Киндаль. Не возможно ничего провѣдать. Представь себѣ, мой любезный Генрій, всѣ мои безпокойства, все то, что я вообображаю. Я не перестаю думать, что она заперлась въ которомъ нибудь покоѣ, и требую, чтобъ всѣ были отперты; ни малѣйшаго не оказывается затрудненія, и поиски мои остаются тщетны. Опечалена въ неизвѣстности,

сти, я прихожу назадъ, чтобъ къ тебѣ писать, и приказать лечь спать моей женщинѣ. Мнѣ пришло въ голову, что Бетти могла слышать шумъ; что она спряталась въ такомъ мѣстѣ, котораго не можно сыскать; что она запретила смотрителю приходить за нею, и что онъ объявя ей о моемъ имени, не могъ тѣмъ совершенно ее ободрить; что она опасается быть обманута, измѣнена подъ моимъ именемъ; что почеркъ мой подаетъ ей болѣе обнадеживанія, нежели ей сколько сказано. Я написала дюжину цидулокъ, въ которыхъ сказано: „твоя Юліета здѣсь, Бетти.„ Я одну отдаю надзирательницѣ, а прочія разкладываю въ разныхъ покояхъ отдаленныхъ отъ моего; ожидаю отъ того дѣйствія; при малѣйшемъ стукѣ встаю съ креселъ, и бѣ-

 гу

гу отворить дверь Бетти. Подобное заблужденіе разбуждаетъ меня во всю ночь; но день усугубляетъ мои безпокойствія, извергнувъ надежду найти друга моего тамъ, куда я пріѣхала сыскать его. Что съ нею такое могло приключиться? Вилліамъ не принудилъ ли ее возвратиться въ Лондонъ?... Я остаюсь при сей новой загадкѣ, и надѣюсь, что тѣмъ удобнѣе могу получить объ ней извѣстіе.

Я прерываю письмо, везу его въ Лондонъ, чтобъ отдать на почту. Поцѣловавъ тебя отъ всего моего сердца, отправляюсь.

Пріѣзжаю въ Лондонъ. Бетти нѣтъ въ ея домѣ: она въ прошедшій понедѣльникъ пошла съ своею женщиною пѣшкомъ, приказавъ людямъ своимъ, чтобъ ожидали отъ нее увѣдомленія, не спрашивая объ ней ни у кого;

и

и съ тѣхъ поръ они ничего объ ней не вѣдаютъ. Признаюсь тебѣ, что я нахожусь въ смертельномъ безпокойствѣ. . . Какое же она приняла намѣреніе, или что съ нею случилось?

Я стала принуждена жить у твоей матушки. Непремѣнно должно было открыть ей мою тайну; мнѣ то можно было сдѣлать: она разумна, осторожна, поможетъ мнѣ, присовѣтуетъ, и я по меньшей мѣрѣ буду имѣть, съ кѣмъ говорить о моемъ огорченіи. Я посылала къ Вилліаму; сказали, что его нѣтъ дома. Она велѣла оставить у него письмо, писанное моею рукою. Онъ не преминетъ прибѣжать, какъ скоро домой возвратится. Часъ отправленія почты наступилъ; ты долженъ быть очень безпокоенъ. Я спѣшу окончить. Я совсѣмъ здорова, но сердце мое

тер-

терзается о тебѣ и о нашемъ другѣ!

ПИСЬМО 40.

Отъ Юліеты къ ея мужу.

Изъ Лондона.

Уже прошло около сутокъ, какъ письмо мое было у Вилліама. Онъ ко мнѣ не приходилъ. Вышедъ изъ терпѣнія, я сама къ нему поѣхала сего утра: хочу непремѣнно съ нимъ говорить и силою отворяю дверь. Онъ принимаетъ меня, не вставая съ креселъ, и проситъ прощенія, что не пришолъ самъ, чтобъ изполнить мое приказаніе. Ему пустили кровь, по причинѣ, что онъ вчерась ушибся; однако ни мало неопасенъ. Я открыла ему мое сердце, изъяснила всѣ безпокойствія, всѣ мои страхи.

Онъ

Онъ не могъ увѣриться въ безъизвѣстности моей о Бетти, и не смотря на письмо твое къ нему, всегда почиталъ, что Бетти находится съ нами. Онъ подозрѣваетъ, что Принцъ увезъ ее. Ты въ этомъ не усумнишься мой другъ; ибо въ какомъ бы мѣстѣ Бетти ни находилась, но была бы свободна; ты, я, или ея люди, могли бы объ ней провѣдать. Вилліамъ вмѣстѣ со мною огорчается, и сказалъ мнѣ, что онъ скоро узнаетъ, что это значитъ; что по нѣсколькихъ часахъ спокойствія онъ въ состояніи будетъ ступать ногою, и пріѣдетъ ко мнѣ увѣдомить, что провѣдаетъ. Я оставила его, находясь въ непрестанной неизвѣстности, и очень огорчена.

Не опасайся, мой любезный другъ, чтобъ обременила меня тоска моя: твоя любовь меня

подкрѣпляетъ, и сколь долго буду имѣть я Генрія, то я не могу всего лишиться. Я цѣлую тебя, и еще поцѣловать хочу.

ПИСЬМО 41.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Какой для меня урокъ, другъ мой! . . . Но разкаяніе приходитъ поздо: я приключилъ нещастіе Батти и себѣ. Я тебѣ и Юліетѣ сообщаю печаль, которая меня сражаетъ. Я не довольно наказанъ; вчерась вы едва не были всѣ отомщены. . . . Я долженствовалъ погибнуть, возвращаясь домой въ два часа по полуночи, одинъ, пѣшкомъ; имѣя подъ рукою шпагу, услышалъ я, что сказали: это Вилліамъ, это онъ! напа-

дай-

дайте! Я внезапно бросясь къ стѣнѣ и державъ въ рукахъ шпагу, имѣлъ щастіе отвести первые удары, и по видимому самъ нанести оные; ибо почувствовалъ, что только двѣ шпаги на меня устремились. Я звалъ изо всей силы къ себѣ на помощь, продолжая защищаться. Убійцы мои кутались, но принуждены были открыться, будучи побѣждены моими избавителями. Сильной человѣкъ, схватя одного изъ нихъ ударилъ о землю, а другіе вязали, закричавъ единогласно, чтобъ вести къ Шерифу. Я побѣжалъ къ нимъ, благодаря ихъ; но вдругъ посколзнулась нога, и я очень больно ушибся. Мнѣ помогли отнести меня къ Шерифу для обвиненія убійцъ моихъ, которыхъ передо мною туда же привели. Первой вопросъ былъ: знаюль я сего человѣка? Я на него

го взглянувъ сказалъ: это Артуръ! и въ минуту по щастливому размышленію: это другъ мой! Государи мои! вы ошиблись... Убійцы мои разбѣжались, и я долженъ особѣ, которую вы задержали, такъ какъ и вамъ, моею жизнію. Артуръ удивленный, смѣшенной, не отвѣтствовалъ. Я подошедъ къ нему, спросилъ, не раненъ ли ты? — Нѣтъ, но ударъ, нанесенной мнѣ въ грудь, отнимаетъ почти у меня дыханіе.

Я объявилъ Шерифу о своемъ имени. Артуръ также, и подписали словесной допросъ. Я послалъ за своею каретою, въ которую посадилъ съ собою Артура, далъ денегъ моимъ избавителямъ и приказалъ ѣхать домой. Артуръ, находясь подлѣ меня, свободенъ, бросается къ ногамъ моимъ, предлагаетъ мнѣ жизнь свою, хочетъ притти ко

мнѣ,

мнѣ, чтобъ обо всемъ увѣдомить: мы были только на два шага отъ дома. Я выслалъ вонъ моихъ людей, и мы остаемся одни въ моей спальнѣ. Онъ обливается слезами, возобновляетъ свои благодаренія въ наичувствительнѣйшихъ выраженіяхъ; говоритъ, что я побѣдилъ его; что онъ все мнѣ откроетъ, и проситъ, чтобъ я его выслушалъ:

„Я былъ твой непріятель, Виліамъ, и пылалъ противъ тебя мщеніемъ. Лади Бленштеймъ, которую я обожалъ, могла произвесть изъ меня чудовище; она то и сдѣлала. Съ давнаго времени погибель твоя была устроена. Она выдавала тебя Принцу за шпіона. Онъ тому повѣрилъ; но имѣя надобность въ тебѣ для обладанія Лади Беттіею то сокрылъ. Она увѣрила его, что ты способствовалъ ей въ уходѣ; а

чтобъ болѣе умножить свое мщеніе, увѣдомила Принца о томъ, о чемъ долго подозрѣвали при Дворѣ, не смѣя прежде говорить. Она сказывала, что видѣла на груди у тебя портретъ и мѣшечикъ, въ которомъ хранились цидулки, могущія обьявить истинну. Принцъ разсматривалъ, сталъ за тобою приглядывать. Подкупалъ особу, которой препоручено было назначить тебѣ свиданіе. Прочелъ, и въ первомъ движеніи положилъ умертвить тебя. Лади Блентгеимъ предложила мнѣ провесть убійцъ. Я то изполнилъ, но не хотѣлъ быть самъ изполнителемъ: я тѣмъ не меньше преступникъ, не меньше гнусенъ въ глазахъ твоихъ. Я прошу у тебя прощенія, и заглажу злодѣйство мое совершенною къ тебѣ преданностію, вооружась противу самого Принца, а болѣе проти-

тиву Лади Бленгеймъ, которую я ненавижу. Повели, Вилліамъ! повели, человѣкъ великодушный! Артуръ будетъ умѣть доказать тебѣ свою дружбу и за тебя умереть. . . „Я нѣжно прижималъ его, и мы разстались.

Я приказалъ себѣ изъ ноги пустить кровь, чтобъ предупредить слѣдствія моего паденія, и сталъ размышлять о своей участи, когда твоя Юліета меня посѣтила.

Нѣтъ извѣстія отъ Бетти. Сія тайна не можетъ быть долго сокрыта. Я подвигну все; не оставлю Лондона; стану ѣздить со многими провожатыми. Я уже совсѣмъ ко Двору не являюсь; не было имени въ письмѣ, которое Принцъ перехватилъ. Я велѣлъ отдать другое, свое, въ которомъ изъяснилъ покушеніе на жизнь мою, и которое

заставитъ остерегаться. Я показываю себя, кто я таковъ, что я невиненъ, и не чемъ ему упрекнуть меня; но сколь виноватъ я передъ Беттіею! какъ изправить? Присовѣтуй мнѣ, другъ мой! ты найдешь въ Вилліамѣ смиреніе, подобное твоего дитяти. Я плачу, стенаю... почти не имѣю силы думать. Прощай! позволь мнѣ обнять себя.

ПИСЬМО 42.

Отъ Юліеты къ мужу ея.

Изъ Лондона.

Вилліамъ отъ меня лишь вышелъ, мой любезный Генрій! онъ сказывалъ мнѣ, о чемъ къ тебѣ писалъ. Я дрожала слушая его, да еще и теперь объ немъ трепещу. Онъ никакъ не хочетъ оставить Лондонъ, доколѣ не

узнаетъ, что сдѣлалось съ Бетти. — Это одно обстоятельство, которое можетъ меня столько долго держать отъ тебя въ отдаленіи, мой сердечной другъ. Но ты мнѣ позволяешь, даже и приказываешь о томъ, и я бы нѣчто утратила изъ твоего сердца, естьли бы не умѣла сдѣлать столь великой жертвы дружбѣ.

Мнѣ поручено тебѣ сказать, что Артуръ, сей новой другъ, совершенно услуживаетъ Вилліаму, котораго онъ пріобрѣлъ. Не удивляешсяль ты присутствію разума Вилліамова въ его великодушіи? Подобное ему сердце сотворено прощать многія вины. Артуръ увѣдомилъ его, что онъ имѣетъ подлинныя догадки, что Принцъ знаетъ, гдѣ Бетти находится; онъ обѣщалъ ему въ скоромъ времени подать обьяснительное извѣстіе. Я ожидаю

онаго съ равною твоей нетерпѣливостію; дни мои такъ долги, какъ цѣлые вѣки. Я уже ничего не воображаю вѣроятнаго о жребіи нашего нещастнаго друга, имѣя мысль слишкомъ тѣмъ помраченную. Смущеніе сердца моего затмѣваетъ разсудокъ; одни Небеса только могутъ знать, что сдѣлалось съ моею Бетти. . . да возвратятъ они мнѣ ее! Вотъ моя вседневная и ночная молитва; да возвратятъ они намъ ее! ибо я тебя дѣлаю половинщикомъ въ нашихъ моленіяхъ, не раздѣляя отъ друга моего, моего любовника, моего любезнаго мужа. Обнимаю тебя отъ глубины моего сердца.

ПИСЬМО 43.

Отъ Вилліама къ Генрію.

Изъ Лондона.

Артуръ, сей другъ, котораго я имѣлъ щастіе пріобрѣсть, сказывалъ мнѣ третьяго дня, что нѣсколько тому времени назадъ, Лади Бленгеймъ назначивала ему въ два разные часа свиданье, и что будучи свободна въ минутахъ своей вольности, она продолжила ихъ гораздо долѣе обыкновеннаго. Онъ вспомнилъ, что она выговорила: Принцъ не станетъ торопиться; онъ пошелъ сдѣлать мнѣ невѣрность; я ему по крайней мѣрѣ должна двойною мѣрою. Въ слѣдствіе сего Артуръ вчерась перерядился, и сѣвши на лошадь, ѣздилъ всякой день въ новое мѣсто. Онъ слѣдовалъ за нимъ гораздо издалека, чтобъ не подать подозрѣнія. Карета

оста-

остановилась. Принцъ вышедъ пошелъ одинъ съ тросточкою въ рукахъ по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ, и проходя проселкомъ, пришелъ въ маленькой домикъ свой въ Невбрикѣ. Онъ видѣлъ, какъ онъ туда одинъ вошелъ, и ворота затворились съ назначенною осторожностію; а вонъ вышелъ не прежде двухъ часовъ, и довольно печально опять сѣвши въ карету, отправился въ Лондонъ. Артуръ опять туда вскорѣ возвратясь желаетъ разспросить, естьли кто нибудь оттуда выдетъ; но никто не показался. Онъ примѣтилъ, что окны снаружи иныя затворены, а иныя закладены. Естьли тутъ живетъ любовница, то сіе не можетъ быть тюрьмою; но можетъ статься любовница нещастная... похищенная Бетши.

Наше

Наше первое движенie было силою ворваться въ домъ; но не было совсѣмъ вѣроятно, чтобъ тутъ была Бетти; да хотя бы и подлинно она была, то таковой поступокъ надѣлалъ бы шуму ко вреду ея. Мы рѣшились на томъ, чтобъ намъ только двоимъ, вооруженнымъ двумя парами пистолетъ, итти и дожидаться Принца на пути въ лѣсу, и что тамъ принужу я его обѣясниться, что я потребую отчета въ смертоубiйствѣ, которое онъ приказалъ исполнить, и чему Артуръ будетъ точной свидѣтель; что я наконецъ за себя отомщу. Мы все поставили на мѣрѣ, чтобъ убѣжать въ Америку. Сего утра хорошенько спрятавшись въ лѣсу, увидѣли мы Принца идущаго потихоньку къ нашей сторонѣ. Ни одной души на дорогѣ не было. Все бы-

ло готово; мы показались. Онъ попятился назадъ. Я на него пошелъ, держа въ рукахъ пистолетъ. . „Естьли вы пошевелитесь, не выслушаете меня, и естьли закричите, жизнь ваша окончалась! Здѣсь будучи одни, подъ покровомъ неба, достоинства ничего не значатъ; обидчикъ долженъ отдать справедливость обиженному. Я не пришелъ въ видѣ подлаго убiйца; вы меня разумѣете? Два слова: возвратите мнѣ Бетти, или защищайтесь! Возмите этотъ пистолетъ! — Онъ его взявъ сказалъ мнѣ: стрѣляй! — Сами стрѣляйте; это единое преимущество, которое я оказать вамъ намѣренъ.. Онъ выстрѣлилъ, и далъ промахъ. Я опять подошедъ и выстрѣля на воздухъ, сказалъ: вотъ какъ Виллiамъ отомщеваетъ! Естьли вознамѣрились вы не возвратить ни Бетти ни справедливости, то

то начнемъ снова, но оба умремъ на мѣстѣ. — Онъ подалъ мнѣ руку: ты меня побѣдилъ, Вилліамъ! я тебя почитаю. То, что произошло, да останется между насъ тайною, подъ обѣщаніемъ чести. Я на это полагаюсь; надѣюсь также и на Артура; обойми меня и ступайте за мною.

Мы входимъ въ домъ. Онъ провелъ насъ сквозь трои или четверы двери, которыя съ стукомъ передъ нами отворились до комнаты довольно мрачной, въ которой находилась Бетти. Услыша шумъ, спряталась она за кровать заставя себя креслами, чтобъ не подошли къ ней близко, и держа въ рукахъ ножъ, онымъ угрожала. Я бросился передъ нею на колѣни. Вотъ сударыня вашъ избавитель! сказалъ ей Принцъ; простите меня, и восприимите ваши права. — Ваша воля да будетъ

детъ почтена повелѣніемъ. Она не вѣрила глазамъ своимъ — Вилліамъ мой избавитель, находясь между смертельнымъ врагомъ своимъ Артуромъ и вами! — Я спѣшилъ ее увѣрить: Артуръ мой вѣрной другъ, Бетти; а Принцъ возвращаетъ мнѣ справедливость; повѣрь слову моему, жизнь моя тебѣ за все отвѣтствуетъ. — Но естьли я не обязана къ тебѣ самому довѣренностію, и ни одному изъ троихъ васъ, то каковъ будетъ мой жребій? — Повели, мы повинуемся. — Ну! когда такъ, чтобъ ни одинъ не осмѣлился за мною слѣдовать; я выйду. — Мы ей поклялись. Я сказалъ, что прикажу подвезти мою карету, которая не далѣе четырехъ шаговъ была, и что можетъ она располагать ею. — Мнѣ надобна только лишь карета до первой почты. Я объявляю

вамъ

вамъ, что ѣду сокрыть стыдъ мой въ замкѣ моего брата; что естьли одинъ изъ васъ осмѣлится туда показаться, то я при глазахъ его умерщвлю себя! Дватцать разъ сія рука на меня подымалась, но всегда вопль, въ душѣ моей вопіющій за невинную тварь, которую не могу уже я сокрыть, невидимо меня удерживалъ. Не подумайте, Принцъ, чтобъ Бетти одна пробыла два часа у васъ во власти.

Артуръ велѣлъ подвезть мою карету; и когда Бетти въ нее садилась, я увѣдомилъ ее, что Юліета, которая равно какъ и я повсюду искала ее, находится въ Лондонѣ. Не отвѣчая мнѣ ничего, она сѣла въ карету, приказавъ везти себя въ Лондонъ. Холодность, которую она мнѣ оказала, подобна омерзенію Я очень не-

нещастливъ, но и много виноватъ.

Нѣтъ ласки, извиненія, нѣтъ увѣреній о дружествѣ, которыя бы Принцъ мнѣ не оказалъ; онъ требовалъ моего слова явиться при Дворѣ, котораго я ему не далъ; а напротивъ того требовалъ отъ Министра, чтобъ полкъ былъ отъ меня принятъ.

Происшествіе не сдѣлалось явно: это моя и твоя тайна. Она также скрывать ее станетъ Я ожидаю всего отъ Юліеты и отъ тебя въ разсужденіи Бетти. Но я умираю, сомнѣваясь получить отъ нее прощеніе. Она явила столь знаменитое свойство, столько великодушія, столько силы, столько добродѣтели, что я почитаю себя низверженнымъ. Прощай!

ПИСЬМО

ПИСЬМО 44.

Отъ Юліеты къ ея мужу.

Изъ Лондона.

Бетти у меня: она въ рукахъ моихъ, блѣдна, обезображена, въ безмѣрномъ волненіи; я принуждаю ее лечь въ постелю. Ей пустили кровь, я ее успокоеваю, обнадеживаю; клянусь, что ни кто не войдетъ ко мнѣ, даже и Вилліамъ. Она того желаетъ; безпрестанно приказываетъ, думая, что еще не довольно приказала. Ей надобно еще много дней спокойствія, прежде нежели осмѣлюсь я что нибудь употребить въ пользу Вилліама. Я съ нею сплю; намъ нужно ни на минуту не быть розно. Она часто во снѣ вскакиваетъ, беретъ меня за руку и спокойнѣе по томъ засыпаетъ.

Такъ ты того хочешь, мой любезный другъ, чтобъ я пожи-

ла

ла до щастливаго времени здѣсь? ты мнѣ то приказываешь? Какое ты мнѣ дѣлаешь одолженіе, и сколь много я тебѣ обязана!.. Она сего утра мнѣ сказала: увези меня отсюда; поѣдемъ во Францію: я тамъ сокроюсь отъ цѣлаго свѣта; могу тебя и Генрія всякой день видѣть. У меня нѣтъ на земли, кромѣ васъ двухъ — Какъ скоро ты въ состояніи будешь въ путь отправиться, моя Бетти, мы поѣдемъ; Генрій насъ ожидаетъ; предпріятіе облегчаетъ ея скорби; она улыбается, изпытываетъ вразумить въ меня нѣчто касательно ея избавленія. Я ничего не постигаю. Я выслушиваю отъ нее о подробностяхъ ужаснаго ея заключенія, о покушеніяхъ Принца, и о страшномъ намѣреніи, которое обьявилъ онъ ей, что никогда ее не выпуститъ, естьли не склонится на

его

его требованія. Она принуждала его укротить усиліе и дерзость, держа обнаженный ножъ надъ грудью. Какъ можно сравнять столь легкое освобожденіе съ часто повторяемыми, столь жестокими и рѣшительными гоненіями? Она много плачетъ, а я не удерживаю ея слезъ, и вмѣстѣ съ нею проливаю оныя. Душа ея не прежде возпріиметъ силу своихъ орудій, доколь избавится отъ ига ее угнѣтающаго. Будущее ее устрашаетъ для ея дитяти; сей предметъ одинъ ее занимаетъ. Она сама о себѣ не думаетъ; не говоритъ ничего ни о себѣ, ни о Вилліамѣ. Я не смѣю никогда принять его. Что дѣлать? я ожидаю твоего совѣта, мой надежный другъ; учреди мое поведеніе своимъ искусствомъ, такъ какъ ты владычествуешь надъ сердцемъ моимъ нѣжностію. Бетти

тебя обнимаетъ; я съ нею вмѣстѣ кидаюсь къ тебѣ на шею!

ПИСЬМО 45.

Отъ Вилліама къ Юлїетѣ.

Изъ Лондона.

Я прихожу къ вашимъ воротамъ; они крѣпко заперты; пишу къ Бетти; она возвращаетъ письмы мои не прочитавъ. Къ вамъ обращаюсь, Юліета; найдуль я и васъ столько же нежалостливу? Я другъ Генрїевъ; откажетель вы, чего я отъ васъ требую его именемъ, чего бы онъ самъ отъ васъ потребовал? и что бы онъ сдѣлалъ, естьлибъ былъ искренній другъ Бетти, и находился бы съ нею вмѣстѣ? Онъ бы ей сказалъ: Вилліамъ былъ виноватъ, но онъ изправилъ все столь-

ко,

ко, сколько ему возможно было до сей минуты. Онъ отрекся отъ полку и отъ мѣста у Двора. Онъ отказался отъ сего Двора, и во всю жизнь свою тамъ не покажется. Онъ проклинаетъ свои ослѣпленія, вступаетъ въ новой путь, и торжественно посвящаетъ себя добродѣтели. Вчерась принялъ онъ въ Парламентѣ мѣсто, сходное съ его чиномъ, и находясь въ затруднительномъ положеніи, желаетъ и можетъ пріобрѣсти честь себѣ.

Я не требую, отъ васъ Юліета, чтобъ погрѣшностямъ моимъ, которыя столь были важны, давали вы имя малозначащихъ ошибокъ; но не взирайте на нихъ какъ на злодѣйства; естьли сіе слово еще хранится въ устахъ оскорбленной Бетти, то умягчите ее, не принуждайте сердца ея къ прощенію меня по

 ве-

великодушію. Внушите въ нее надѣяніе на мои обѣщанія, на мою любовь, на желаніе всему удовлетворить, и явиться ея достойнымъ, таковымъ наконецъ, каковымъ я былъ въ цвѣтущіе дни моей жизни.

Вы имѣете средство, которое вы одни употребить можете, и изъ котораго не должно мнѣ извлекать своей пользы. Но я нещастливъ! все должно мнѣ быть дозволено; говорите о моемъ сынѣ; да вопіетъ онъ о помилованіи, когда вы онаго мнѣ испрашивать станете. Я примолвлю только одно слово, Юліета: . . . я васъ почитаю моимъ другомъ!

ПИСЬМО

ПИСЬМО 46.

Отъ Юлiеты къ Виллiаму.

Изъ Лондона.

Я не хочу, Виллiамъ, тѣмъ васъ обидѣть, будто вы убѣждаете, и что вы усомнились о женѣ Генрiевой. Я не могу сдѣлать всего того, что бы онъ могъ, будучи самъ здѣсь, не по совѣту его. Я читаю Бетти переписку вашу съ нимъ, касательно послѣднихъ приключенiй. Онъ пишетъ ко мнѣ, что желаетъ, чтобъ я представила васъ таковымъ, каковымъ вы себя ему показали. Вы были виноваты, не льзя того утаить отъ Бетти; мы не должны обмануть ее, надобно, чтобъ она васъ судила. Ваше послѣднее письмо къ Генрiю, повѣствованiе о предпрiятiи вашемъ къ освобожденiю Бетти, болѣе учинило

надъ душею ея дѣйствія, нежели бъ я когда сказать могла.

Нѣтъ, Вилліамъ, не воззову я явно на помощь для услуги тебѣ невинную тварь, упрекающую тебя въ злодѣяніи: оставимъ ее говорить сердцу чувствительному, хотящему внимать его безъ свидѣтелей.

Бетти, полагая на меня надежду, слушаетъ, когда я читаю твои письмы, и не проситъ смотрѣть ихъ. Я пропустила артикулъ, на которой слишкомъ ты полагался. Совершенное удаленіе твое отъ Двора, и вступленіе въ Парламентъ, произвели желаемое дѣйствіе, и содержаніе послѣдняго твоего письма болѣе убѣдило, нежели клятвы.

Ты будешь сей же часъ увѣдомленъ обо всемъ, чего долженъ на-

надѣяться. . . Ты здѣсь находишься въ Юліетѣ.

ПИСЬМО 47.

Отъ Генрія къ Юліетѣ.

Изъ Парижа.

Я посылаю къ тебѣ, мой другъ сердечной, артикулъ, выписанной изъ письма Вилліамова, котораго не могу всего къ тебѣ прислать; ибо оно содержитъ въ себѣ вещи касающіяся государственной пользы, въ которыхъ онъ мнѣ даетъ отчетъ такъ точно, какъ бы онъ самъ упражнялся въ публичныхъ дѣлахъ. Вилліамъ мой добродѣтеленъ; сдѣлай, чтобъ онъ восторжествовалъ.

Артикулъ письма Вилліамова къ Генрію.

„Мы прогуливались съ Артуромъ вмѣстѣ удаленномъ отъ звѣринца. Одинъ молодой человѣкъ, котораго я не зналъ, подошедъ ко мнѣ сказалъ два слова: Вилліамъ! ты подлецъ, чудовище! ты прельстилъ сестру мою, обезчестилъ ее, и заперъ; я отъ тебя требую удовольствія: принимайся за шпагу! — Государь мой! позвольте мнѣ вась спросить, о комъ вы мнѣ говорите? — О Бетти Шестеръ; я ея братъ — Сдѣлайте милость, выслушайте меня. — Защищайся, негодной! — Милордъ! никогда сія шпага не обнажится противъ брата Бетти. Я прошу васъ укротить вашу досаду; вы выслушавъ меня отдадите мнѣ справедливость. Артуръ и еще незнакомой человѣкъ,

вѣкъ, приведенные въ замѣшательство, подошли къ намъ. Лордъ Шестеръ сказалъ мнѣ насмѣшливо: такъ ты подкрѣпленъ! къ намъ идутъ.... Онъ наступя на меня, далъ мнѣ пощочину. Артуръ не зная, кто онъ таковъ, устремился на него замахнувшись шпагою. Я свою между ими поставя сказалъ только: Лордъ Шестеръ наказалъ меня за Бетти, сестру свою. Онъ можетъ итти къ Милади Бингтонъ; онъ тамъ ее найдетъ, и узнаетъ отъ нее самой, держалъ ли Вилліамъ ее въ заперти, готовъ ли онъ изправить всю вину свою, и что Вилліамъ ли проситъ у нее прощенія, вмѣсто того, чтобъ отказать ей въ справедливости. — То, что вы говорите, Вилліамъ, есть новая ложь: меня увѣрили, что сестра моя тамъ; я туда ходилъ, о себѣ сказывалъ, но меня не при-

 нялн.

няли. — Милордъ! когда вы меня лучше узнаете, то будете знать и то, что я не лгу. — Я во всю мою жизнь знать буду, что сестра моя была очень нещастлива, спознавшись съ человѣкомъ, каковъ ты, которой гнусенъ былъ у Двора и подлъ въ городѣ... Лордъ Шестеръ отошелъ прочь, вложа гордо въ ножны свою шпагу.

Я сказалъ незнакомцу: чего вы были свидѣтелемъ, государь мой, не можетъ инако занимать васъ, какъ по странности случая. Естьли вы сіе учините явнымъ, то назовите меня: я Графъ д' Орле; но мнѣ не окажутъ справедливости, почтя дѣло сіе вѣроятнымъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ оставляя меня, не скидая съ головы шляпы. Я разскажу братьямъ моимъ въ Пенсилваніи; они тому повѣрятъ. Прощай! я тебя почитаю,

Юліета

Юліета моя! бѣги къ Бетти; читай и покажи ей Вилліама во всемъ величествѣ человѣка. Вотъ наконецъ мой другъ и твой!

Я повторяю тебѣ, моя душа, сколько прискорбно мнѣ, что не могу изпросить отпуска отъ Двора въ столь критическихъ обстоятельствахъ. Сколь тягостно для меня, что тебя не вижу и не могу совершенно помогать тебѣ! Сколь безпокоюсь я о здоровьѣ Бетти и о сопротивленіи ея! Скажи ей, что я отвѣчаю за Вилліама. Отвѣчай за него какъ за самаго меня, будь по немъ порукою. Прощай, мое сердце, все то, что мнѣ милѣе всего на свѣтѣ . . . . ты знаешь, что ты мое сокровище.

Повергни меня къ ногамъ Бетти.

ПИСЬМО

ПИСЬМО 48.

Отъ Юлiеты къ ея мужу.

Изъ Лондона.

Конечно Богъ, или Генрiй вразумилъ Вилліама; я оставила Бетши погруженную въ глубочайшія размышленія, по случаю опыта его, показаннаго надъ ея братомъ, о почтеніи его къ ней, о любви его и о великодушіи его. Она обвиняла себя въ жестокости, когда я къ ней вошла. Она увидѣла, что я несу въ рукахъ письмо и бумагу — что ты еще мнѣ сказать хочешь? Вилліамъ, или братъ мой... Я не дала ей времени докончать... Никакого нещастія, Бетши; я къ тебѣ принесла письмо отъ Вилліама и новую покорность его. Вилліамъ, не принося жалобъ, не говоря ни слова о нанесенномъ ему безчестіи, проситъ

ситЪ Бетти милостиво и безЪ гнѣва, естьли то возможно, принять предложеніе, которое осмѣливается онЪ дѣлать, чтобЪ итти вЪ храмЪ вЪ назначенное время, разными дорогами, дабы составить состояніе вашему дитяти. ОнЪ обѣщаетЪ оставитЪ Англію, какЪ скоро совершится бракЪ его. Бетти никогда не будетЪ знать, сколЪ дорого стоитЪ столь великое пожертвованіе нещастному Виллiаму. Естьли она оказала ему благодѣяніе склонясЪ называться его именемЪ, то надѣется онЪ, что по крайней мѣрѣ сынЪ его не будетЪ стыдиться своего произхожденія. ОнЪ проситЪ ее прочесть свадебной договорЪ, подписанной имЪ, нотарiусами и свидѣтелями. Сей договорЪ есть образецЪ великодушія, такЪ какЪ предложеніе пренаполнено разборчивости.

Бет-

Бетти обливалась слезами, и не слыхала тѣхъ артикуловъ, которые я продолжала читать. Она взяла изъ рукъ моихъ письмо Вилліамово и прижимала его къ своему сердцу. По томъ вдругъ вскоча, обняла меня и сказала мнѣ: Вилліамъ будетъ моимъ супругомъ! я ему отдаюсь, пускай онъ придетъ.

Генрій мой, Генрій! какая минута для Юліеты!.. Я начертываю только одно слово: бѣги, благополучной Вилліамъ... Волненіе Бетти было неизреченно. Полчаса времени не могли ее успокоить, какъ пришли мнѣ сказать, что нѣкто меня спрашиваетъ. Я выхожу. Это Вилліамъ. Надобно объ немъ сказать; я отворяю дверь: онъ входитъ и бросается на колѣни. Бетти подходитъ къ нему трепещуща и держася за меня. Она не можетъ

жетъ выговоришь слова; протягиваетъ ему руку; онъ ее схватываетъ и кричитъ о помилованіи Бетти. Она кидается въ его объятія. Они бы померли отъ радости, и твоя Юліета такъ же, естьли бы Небо не сохранило насъ всѣхъ троихъ для твоего щастія.

Завтра наступитъ день, день ноивожделѣннѣйшій для нашихъ любовниковъ! Артуръ первой свидѣтель; какъ же Бетти приняла его? Но братъ ея, котораго она не отважилась принять, самъ не осмѣливается сего дня показаться. Онъ писалъ къ Бетти, прося ее изходатайствовать ему прощеніе отъ Вилліама, и принять отъ него на свадьбу въ подарокъ не малой цѣны деревню. Онъ писалъ къ Вилліаму; Артуръ о томъ сказывалъ, но Вилліамъ письмо не показываетъ.

Еще

Еще два дня, Генрій, два дня, мой любезный супругъ; потомъ всѣ друзья твои бросятся въ твои объятія, и присоединятся къ человѣку, котораго я обожаю!

Конецъ.

